Императоръ Николай въ 1828—1829 г.г.

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа)[1]).

I.

1828 годъ.

Отъѣздъ императора Николая въ армію.—Присутствіе государя подъ Браиловымъ.—Отъѣздъ въ Одессу.—Свиданіе съ императрицею въ крѣпости Бендерахъ.—Пріѣздъ ихъ величествъ въ Одессу. — Императоръ Николай въ Измаилѣ.—Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай.—Занятіе Бабадага.—Депутація некрасовцевъ, поселенныхъ въ Турціи.—Сдача Браилова.—Базарджикъ.—Козлуджи.—Движеніе къ Шумлѣ.—Отъѣздъ императора изъ-подъ Шумлы къ крѣпости Варнѣ. — Пріѣздъ въ Одессу.—Извѣстіе о кончинѣ въ Праводахъ генерала Бенкендорфа.—Отъѣздъ Николая I изъ Одессы въ Варну моремъ.—Возвращеніе государя въ Одессу. — Поѣздка государя въ Варну сухимъ путемъ.—Императоръ Николай подъ Варной.—Взятіе Варны. — Окончаніе кампаніи 1828 года.—Буря на Черномъ морѣ во время возвращенія императора въ Одессу. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Ея характеристика.

Еще императоръ Александръ, въ послѣднія минуты своей жизни, предусматривалъ печальную необходимость войны съ Портою, которая уклонялась, подъ разными предлогами, отъ исполненія трактата 1812 года. Наша борьба на смерть съ Наполеономъ; появленіе его снова въ 1815 году, съ политическими своими послѣдствіями; наконецъ, образованіе новаго царства Польскаго, по необходимости отвлекли

[1]) 11 сентября 1844 года умеръ на пароходѣ на высотѣ острова Даго при возвратномъ переѣздѣ изъ-за границы въ эстляндскую свою мызу Фалль, генералъ-адъютантъ графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

Потомокъ древней эстляндской фамиліи, отецъ Александра Христофоровича, генералъ-аншефъ, былъ женатъ на баронессѣ Шиллингъ фонъ-Кап-

императора и его кабинетъ отъ восточныхъ дѣлъ и дали Турціи все время и особенно всю охоту оттягивать приведеніе въ исполненіе принятыхъ ею на себя обязательствъ, въ надеждѣ исказить прямое ихъ значеніе и пространство.

Въ такомъ переходномъ положеніи нашелъ императоръ Николай это дѣло при вступленіи своемъ на престолъ. Торговля Россіи подвергалась разнымъ препятствіямъ и даже стѣсненіямъ. Нельзя было оставаться въ подобной, уничижительной для Россіи нерѣшимости, тѣмъ болѣе, что притязанія Дивана все возростали соразмѣрно съ нашею медленностью въ отстраненіи ихъ.

Съ другой стороны государь, обремененный разными трудами

штадтъ, которую императрица Марія Ѳеодоровна считала лучшимъ своимъ другомъ. Молодой Бенкендорфъ (род. въ 1783 году) вступилъ въ 1798 году юнкеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, въ томъ же году, еще 14-ти лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Въ 1813 и 1814 годахъ Бенкендорфъ, какъ отличный кавалеристъ, командовалъ съ большимъ отличіемъ отдѣльными отрядами. Въ 1819 году императоръ Александръ назначилъ его начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса. Затѣмъ онъ занималъ мѣсто начальника 1-й кирасирской дивизіи, и въ этомъ званіи засталъ его, при вступленіи на престолъ, императоръ Николай. Съ этого времени начинается блестящая карьера Бенкендорфа. 25-го іюня 1826 года онъ вдругъ возведенъ былъ въ званіе шефа жандармовъ, командующаго императорскою главною квартирою, и главнаго начальника учрежденнаго въ то время III-го отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи, т. е. поставленъ во главѣ тайной полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ приближеннѣйшаго къ императору лица.

Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, некрологическая статья о немъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 218) 1844 года, начиналась слѣдующими словами: «Въ лицѣ А. Х. Бенкендорфа государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги. Отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника».

Всѣ эти похвалы, по замѣчанію барона М. А. Корфа, справедливы, но только отчасти.

«Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представленъ здѣсь Бенкендорфъ,—пишетъ баронъ Корфъ,—онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершилось, на ряду со многимъ добромъ, и немало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которая многократно давала поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него са-

я заботами, наслѣдованными отъ своего предшественника, отвращался отъ мысли увеличивать трудность новаго царствованія войною, тягостною для имперіи и долженствовавшею отвлечь его самого отъ нетерпѣвшихъ отлагательства дѣлъ внутренняго управленія. Вслѣдствіе того, онъ, еще въ 1826 году, предложилъ разобрать возникшія между обѣими державами недоразумѣнія, полюбовно, въ дипломатической конференціи. Турція согласилась на то, въ надеждѣ еще оттянуть дѣло или достигнуть какихъ-либо измѣненій въ трактатѣ. Конференціи происходили въ Аккерманѣ, и уполномоченнымъ отъ насъ былъ назначенъ туда графъ Воронцовъ. Послѣ разныхъ проволочекъ и ухищреній со стороны Порты положили, наконецъ, то, что, казалось, обѣщало сохраненіе мира, или,

---

мого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица тутъ и не было.

«Однажды въ Государственномъ Совѣтѣ министръ юстиціи графъ Панинъ произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ: «Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler!»—«Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ противъ тебя». — «Въ самомъ дѣлѣ»,—отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только вразумился, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе; черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «A présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur»,—и оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ.

«Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію.

«Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему Царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣреннаго не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властію, занималъ о н ъ, съ парализировавшею его апатіею, а н е д р у г о й к т о, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться».

Во время болѣзни графа Бенкендорфа въ 1837 году императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ. Въ упомянутой выше некрологической статьѣ, напечатанной, само собою разумѣется, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, сказано, что въ одно изъ такихъ посѣщеній государь произнесъ передъ окружавшими

по крайней мѣрѣ, удаленіе разрыва. Но все это были только временныя заплатки на приходившемъ въ ветхость рубищѣ; сущность дѣла оставалась, по-прежнему, неразрѣшенною, и весь ходъ переговоровъ явно обнаруживалъ неискренность Дивана и чаяніе имъ лучшей будущности. Греческія дѣла раздражали противъ насъ Порту. Несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ императора Александра, несмотря на все неудовольствіе, столь явно выраженное имъ противъ безумныхъ попытокъ князя Ипсиланти въ Молдавіи, Порта продолжала считать Россію возбудительницею бунта въ Дунайскихъ княжествахъ и пособницею греческаго возстанія.

Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости,

его слѣдующія слова: «Въ теченіе одиннадцати лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ». Къ этому нужно еще присовокупить, что во время этой болѣзни графа Бенкендорфа, лица всѣхъ сословій толпились въ его домѣ и вокругъ него, и еслибы Бенкендорфъ умеръ въ это время, то смерть его была бы народнымъ событіемъ: до такой степени онъ пользовался тогда общею популярностію, благодаря своему добродушію и тому, что на его постѣ не дѣлать зла—значило уже дѣлать добро. Но съ тѣхъ поръ онъ пережилъ себя, пишетъ баронъ Корфъ.

«Нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными, сильно поколебали прежнюю довѣренность государя, и царская къ нему милость стала постепенно охлаждаться, даже переходить почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца внѣшними формами прежней пріязни. Съ тѣмъ вмѣстѣ стала угасать и популярность Бенкендорфа, и въ городѣ гласно заговорили, что онъ очень не твердъ на своемъ мѣстѣ, что ему худо при Дворѣ, что ему выбранъ уже преемникъ и проч. При всемъ томъ, когда въ апрѣлѣ 1844 года, изнуренный новою жестокою болѣзнію, онъ отправился на заграничныя воды, государь, въ щедрости своей, пожаловалъ ему на эту поѣздку 50.000 р. с. Но дѣла его были такъ разстроены, что онъ повезъ съ собою едва 5.000 рублей, а прочее принужденъ былъ оставить въ Петербургѣ, для покрытія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ долговъ».

Графъ Бенкендорфъ погребенъ въ Фаллѣ, на избранномъ и назначенномъ имъ самимъ за-долго до того мѣстѣ. Послѣдній обрядъ происходилъ въ оранжереѣ, потому что въ Фаллѣ не было лютеранской церкви. Пастору передана была высочайшая воля упомянуть въ надгробномъ словѣ, какимъ роковымъ считаетъ для себя государь 1844 годъ, унесшій у него дочь [1]) и—друга.

Послѣ графа Бенкендорфа остались записки на французскомъ языкѣ, начинавшіяся почти отъ самаго вступленія его на службу до дня пожара Зимняго дворца, т. е. до 17-го декабря 1837 года. Прочитывая ихъ, императоръ Николай отозвался графу Орлову, что находитъ тутъ очень вѣрное и живое изображеніе своего царствованія.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) Великую княгиню Александру Николаевну.

Европу вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ, вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ, сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютый бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразумѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и константинопольскимъ дворомъ? — Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться.

Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными, и, наконецъ, явный разрывъ былъ неминуемъ.

Начались приготовленія къ войнѣ, и въ концѣ зимы съ 1827 на 1828 годъ, гвардія, за исключеніемъ кирасирской дивизіи и по одному батальону съ каждаго полка, выступила изъ Петербурга. Молодежь восхищалась предстоявшими ей опасностями и славою; но масса публики смотрѣла на начало новой войны довольно равнодушно и безъ всякой примѣси какого-нибудь національнаго чувства. Турція—этотъ исконный врагъ Россіи и христіанства, уже слишкомъ часто была укрощаема нашими войсками и уже слишкомъ ослабѣла, чтобы внушать какое-либо опасеніе или даже ненависть. Никто не сомнѣвался въ новыхъ лаврахъ, а на жертву людьми и деньгами смотрѣли единственно какъ на неизбѣжное зло, требуемое нашею народною честью и интересами нашей торговли. Командованіе арміею ввѣрено было графу Витгенштейну, а морскою экспедиціею—князю Меншикову.

Императоръ Николай, пожелавъ лично участвовать въ этой войнѣ, оставилъ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До Витебской губерніи сопровождалъ его принцъ Оранскій, возвращавшійся изъ Россіи во-свояси; потомъ государь взялъ къ себѣ въ коляску меня.

Это была первая изъ многочисленныхъ поѣздокъ, которыя впослѣдствіи я имѣлъ счастіе совершать такимъ же образомъ, сидя всегда бокъ-о-бокъ съ государемъ. Остальную свиту составляли только генералъ Адлербергъ и врачъ. Оберъ-церемоніймейстеръ

графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный исправлять, во время похода, должность гофмаршала военнаго двора, уѣхалъ уже прежде. Точно также отправлены были впередъ весь багажъ, съ палатками, конюшнею и кухнею, а равно флигель-адъютанты и вся государева главная квартира, съ приказаніемъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій въ Измаилѣ.

Сверхъ того, слѣдовали къ арміи, по высочайшему соизволенію, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде съ нужнымъ числомъ высшихъ чиновниковъ; Васильчиковъ, Ланжеронъ и нѣсколько другихъ почетнѣйшихъ генераловъ, французскій посолъ герцогъ Мортемаръ, съ многочисленною свитою; генералъ австрійской службы принцъ Гессенъ-Гомбургскій съ нѣсколькими офицерами; прусскій генералъ Ностицъ и, наконецъ, посланники: ганноверскій Дёрнбергъ и датскій—Блумъ.

Государь ѣхалъ день и ночь и остановился только на двое сутокъ въ Елисаветградѣ, для осмотра уланской дивизіи, принадлежавшей къ военнымъ поселеніямъ подъ начальствомъ графа Витта. Отсюда мы продолжали путь, чрезъ Бендеры, къ Водулі-Исакчи на границѣ имперіи. Тутъ ожидали насъ графъ Потоцкій, пріѣхавшій нарочно изъ Измаила, съ прекраснымъ обѣдомъ, и мой братъ [1]), который, едва возвратясь изъ персидской кампаніи, готовился уже начать новую. Мы задыхались отъ жары, несмотря на то, что было только 7-ое мая. Государь ступилъ на турецкую землю при ярко сіявшемъ солнцѣ и безъ всякаго конвоя, имѣя въ свитѣ только меня и фельдъегеря, и прибылъ поздно вечеромъ въ лагерь подъ осажденный великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ Браиловъ.

На другое утро государь объѣхалъ верхомъ всѣ войска, къ живой радости солдатъ, которые впервые видѣли своего молодаго царя, явившагося ободрять ихъ и раздѣлить съ ними труды и опасности. Со временъ Петра Великаго, императоръ Николай былъ первымъ изъ русскихъ монарховъ внутри владѣній Оттоманской Порты.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ въ ту эпоху кавалерійскихъ нашихъ генераловъ. Н. Ш.

Подъ Браиловымъ же государь сильно занемогъ горячкою, опасность и упорность которой въ этихъ краяхъ довольно извѣстна. Благодаря, однако же, его крѣпкому сложенію и чрезвычайной умѣренности въ пищѣ, онъ скоро всталъ съ постели, и наши опасенія разсѣялись.

Государь осмотрѣлъ всѣ начатыя осадныя работы и торопилъ ихъ окончаніемъ. Когда главная батарея (№ 2), вооруженная 12-ю осадными и 12-ю батарейными орудіями, представлявшая, по близости ея къ стѣнамъ крѣпости, почти брешь-батарею, была совсѣмъ кончена, государь, на разсвѣтѣ, пришелъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствіи. Огонь съ этой батареи былъ такъ силенъ, что непріятель нѣсколько времени не отвѣчалъ на него; но когда, опомнясь отъ перваго испуга, онъ замѣтилъ на ближайшемъ курганѣ множество людей, въ числѣ которыхъ находился государь со свитою, то направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ основаніе возвышенія, а нѣкоторыя даже перелетали черезъ него и попадали въ стоявшихъ тутъ верховыхъ нашихъ лошадей. Это были первыя ядра, летавшія вокругъ государя. Намъ стоило продолжительныхъ усилій и многихъ трудовъ уговорить его оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непріятельскаго огня. Оттуда онъ пошелъ въ лагерь 7-го корпуса и лично раздавалъ георгіевскіе кресты отличившимся при подступѣ къ крѣпости, предмѣстія которой были заняты штыками. Онъ заботливо обходилъ раненыхъ и больныхъ, приказывалъ раздавать имъ деньги, вникалъ въ малѣйшія подробности касательно пищи солдатъ и попеченія о нихъ. Добрый и привѣтливый со всѣми, онъ оставилъ по себѣ въ войскахъ благоговѣйную память благодарности, которую потомъ они выразили на дѣлѣ самымъ блестящимъ образомъ.

Пробывъ нѣсколько дней среди осаднаго браиловскаго лагеря, государь возвратился къ границѣ.

Въ Водули-Исакчи онъ вышелъ изъ коляски и, показывая собою примѣръ повиновенія законамъ, подвергся всѣмъ окуркамъ и очищеніямъ, установленныхъ для прибывающихъ изъ княжествъ. Потомъ мы отправились въ Бендеры, куда пріѣхала императрица.

Желая быть по близости къ своему супругу, она расположилась провести это лѣто въ Одессѣ. За нѣсколько верстъ до Бендеръ мы встрѣтили ѣхавшею ее въ каретѣ съ одною изъ фрейлинъ. Государь пересѣлъ къ императрицѣ, а фрейлина ко мнѣ въ коляску, и мы такимъ образомъ въѣхали въ городъ. Внутренность Бендерской крѣпости, окруженной старинными высокими стѣнами и вмѣщавшей въ себѣ, при турецкомъ владычествѣ, довольно многолюдное населеніе, въ это время представляла глазамъ обширный пустырь, на которомъ стояли домъ коменданта, древняя мечеть, обращенная въ магазинъ, и нѣсколько домиковъ. Едва нашлось мѣсто, гдѣ провести ночь.

На другой день, государь, принявъ пріѣхавшаго французскаго посла, отправился съ императрицею въ дальнѣйшій путь, до одного селенія нѣмецкихъ колонистовъ, гдѣ приготовленъ былъ для императрицы обѣдъ. Эта поѣздка, со всѣми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь и безъ кухни, что показалась мнѣ настоящею прогулкою.

Подъ вечеръ мы прибыли въ Одессу. Насъ ожидало многочисленное стеченіе народа, жаждавшаго видѣть императорскую чету. Ихъ величества остановились въ домѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, предназначенномъ для жительства императрицы. Этотъ домъ былъ настоящій дворецъ, вновь выстроенный въ лучшемъ вкусѣ, на крутомъ берегу, окаймляющемъ обширный одесскій рейдъ. Съ террасы этого великолѣпнаго зданія можно было перечесть всѣ корабли и шлюпки на рейдѣ, и, сверхъ того, открывался видъ на карантинный портъ и на часть города. Три дня пролетѣли для насъ тутъ чрезвычайно пріятно. Потомъ надо было ѣхать. Время года уже позволяло помышлять о переправѣ арміи черезъ Дунай, а государю было очень желательно ускорить, по возможности, эту минуту.

Мы направились прямо къ Измаилу. Эта крѣпость всего лишь 16 лѣтъ принадлежала Россіи, и уже цѣлый новый городъ вырось вокругъ мусульманскихъ укрѣпленій, обагренныхъ нѣкогда потоками крови, и турецкой, и русской. Измаилъ былъ переполненъ въ это время народомъ. Здѣсь находились и вся главная квартира

государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: нашей и запорожскихъ казаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра древняго своего отечества. Эта буйная вольница, воспротивясь нововведеніямъ князя Потемкина, который въ 1775 году уничтожилъ ихъ кочевую республику, бѣжала въ Турцію и предложила султану свою необузданную отвагу. Ихъ приняли съ радостью и, надѣливъ плодоносными землями, сохранили имъ форму ихъ общиннаго правленія. Въ войнахъ противъ Россіи запорожцы оказывали большія услуги Портѣ, отличаясь ожесточенною ненавистью къ прежнимъ своимъ соотечественникамъ и превосходя свирѣпою храбростью даже самихъ фанатическихъ турокъ. Въ послѣднее время нѣсколько сотъ изъ нихъ погибло въ войнѣ съ греками. Сохраняя строго вѣру, нравы, одежду и языкъ русскій, запорожцы наполняли свои ряды дезертирами и бродягами изъ Россіи. Атаманомъ ихъ въ ту эпоху былъ малороссійскій мужикъ Іосифъ Гладкій, который достигъ этой степени единственно благодаря своему уму и отважности. Измаильскій комендантъ Тучковъ искусно умѣлъ завести съ нимъ сношенія и пробудить снова въ его душѣ чувства преданности и любви къ законному государю и къ родинѣ. Ловкій атаманъ передалъ свой новый образъ мыслей сотоварищамъ въ то время, когда Сѣчь должна была выступить на соединеніе съ войсками силистрійскаго паши, для сопротивленія нашей арміи. Онъ энергически и краснорѣчиво изобразилъ казакамъ, какъ преступно будетъ для нихъ проливать кровь русскихъ своихъ собратьевъ и сколько они могутъ выиграть, испросивъ помилованіе и покровительство природнаго ихъ государя. Казаки въ ту же минуту рѣшились, и вооруженныя лодки съ запорожскими знаменами и бунчуками причалили къ русскому берегу.

Государь осмотрѣлъ это заблудшее стадо, возвратившееся въ родное свое пепелище, простилъ все прошедшее и взыскалъ атамана и его казаковъ словами милости, обѣщая надѣлить, въ награду ожидаемой отъ нихъ въ предстоящую войну службы, удобными землями на взморьѣ.

По окончаніи всѣхъ нужныхъ распоряженій, государь выѣхалъ изъ Измаила, и они съ жаромъ кричали: «мы, батюшка царь, твои,

и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи!» Государь благополучно присталъ къ мусульманскому берегу.

Мостъ былъ наведенъ въ теченіе дня; войска продолжали переправляться,—и на другое утро государева палатка раскинулась уже по ту сторону Дуная, напротивъ Исакчи. Потребовали сдачи крѣпости. Турецкій комендантъ, бывшій свидѣтелемъ отважности нашихъ солдатъ и бѣгства передъ ними своихъ, видя при томъ со стѣнъ, какъ масса нашихъ войскъ безпрестанно возрастаетъ, колебался не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Когда ворота крѣпости открылись, въ ней тотчасъ размѣстили нашихъ раненыхъ, и Исакчи сдѣлался первымъ военнымъ этапомъ нашего наступленія.

Въ слѣдъ затѣмъ государь съ корпусомъ Рудзевича открылъ кампанію, движеніемъ къ Траянову валу. Для прикрытія этого движенія и вмѣстѣ для занятія маленькихъ крѣпостей между валомъ и Дунаемъ, разосланы были, по разнымъ направленіямъ, небольшіе отряды. Древняя крѣпость Мачинъ, сооруженная еще римлянами, сдалась полковнику Роговскому; Гирсово открыло свои ворота генералу князю Мадатову; крѣпость Кистенджи, на крутомъ берегу Чернаго моря, съ 3-хъ тысячнымъ гарнизономъ, сдалась генералу Ридигеру, но лишь послѣ двухъ-суточнаго бомбардированія, и мы пріобрѣли въ ней важный укрѣпленный пунктъ для морскаго сообщенія съ Одессою. Наконецъ Тульчею овладѣлъ генералъ Ушаковъ, и такимъ образомъ мы заняли все пространство между Рассеватою и Чернымъ моремъ.

Въ промежуткѣ этихъ различныхъ экспедицій, государь, съ главною частію корпуса Рудзевича, продолжалъ свой походъ къ Бабадагу, первому незащищенному городу, представлявшемуся на нашемъ пути. За нѣсколько до него верстъ, государь, уѣхавшій впередъ, былъ встрѣченъ депутаціею некрасовцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи во время религіозныхъ распрей [1]) и съ тѣхъ поръ отличавшихся, подъ оттоманскою державою, мужествомъ въ войнахъ противъ насъ и свирѣпостію въ бояхъ. Это племя, занимающее нѣсколько большихъ деревень, выстроенныхъ на русскій обра-

[1]) Некрасовцы бѣжали изъ Россіи въ 1708 году, во время Булавинскаго бунта. Н. Ш.

зецъ, сохраняетъ нашу вѣру и одежду и всѣ наши нравы. По обычаю покинутой имъ отчизны, депутаты ждали за столомъ, на которомъ стояли хлѣбъ и соль, и, въ минуту приближенія государя, пали на землю. Государь, велѣвъ имъ встать, сказалъ: «не стану обманывать васъ ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этотъ край, въ которомъ вы живете и который занятъ теперь нашими войсками; онъ будетъ возвращенъ туркамъ: слѣдственно поступайте такъ, какъ велятъ вамъ ваша совѣсть и ваши выгоды. Тѣхъ изъ васъ, которые захотятъ возвратиться въ Россію, мы примемъ, и прошедшее будетъ забыто; тѣхъ же, которые останутся здѣсь, мы не тронемъ, лишь бы они не обижали нашихъ людей. За все, что̀ вы принесете въ нашъ лагерь, будетъ всегда заплачено чистыми деньгами».

Интересно было видѣть, какъ эти потомки русскихъ людей, уже болѣе вѣка отрекшіеся отъ своего подданства, лежали у ногъ правнука Петра Великаго, испрашивая его помилованія.

Во все продолженіе войны не было нашей арміи повода къ жалобамъ на некрасовцевъ, которые, однако же, владѣя обильными земляными угодьями и рыбными ловлями, всѣ предпочли остаться подъ благорастворенным небомъ второй своей родины.

Новое, составляющее красу Бабадага, огромное зданіе, которое султанъ Махмудъ выстроилъ для сформированнаго имъ регулярнаго полка, было обращено въ госпиталь, сдѣлавшійся впослѣдствіи могилою многихъ тысячъ нашихъ солдатъ; позже, въ прибавку къ опустошеніямъ, произведеннымъ въ нашихъ рядахъ трудностями похода и климатомъ, присоединился еще и бичъ чумы.

Ставки императорскаго лагеря были раскинуты на вершинѣ высокой горы, съ которой открывались истинно-восхитительные виды на необъятный горизонтъ, на огромное озеро и на лагерь нашего войска. Ночью ужасная гроза, съ проливнымъ дождемъ, опрокинула часть нашихъ палатокъ и наводнила лагерь. Лошади двухъ гусарскихъ полковъ, перепуганныя раскатами грома, оторвались отъ коновязей и поскакали къ горѣ. Въ лагерѣ вообразили, что это тревога, и къ разсвѣту все находилось въ страшномъ безпорядкѣ.

Послѣ дневки, весь лагерь снова тронулся, и армія подошла къ Карасу, составляющему почти средоточіе Траянова вала. Тутъ

положено было ждать возвращенія отрядовъ, отправленныхъ для занятія крѣпостей, находившихся въ тылу и на флангахъ нашей операціонной линіи.

Между тѣмъ осада Браилова дѣятельно продолжалась. Великій князь Михаилъ Павловичъ рѣшился, наконецъ, на приступъ. Солдаты, въ его присутствіи, бросились въ ровъ; но лѣстницы оказались слишкомъ короткими, и, послѣ страшныхъ усилій и потерь, войска наши должны были отступить за свои параллели. Турокъ, однако же, неудача этого приступа нисколько не ободрила; напротивъ, бывъ свидѣтелями мужества нападающихъ и страшась возобновленія приступа, они потребовали капитуляціи. Браиловъ сдался со всѣмъ своимъ военнымъ имуществомъ, и великій князь, съ частію бывшихъ у него войскъ, присоединился къ главной арміи, дѣйствовавшей подъ начальствомъ государя.

Жары начинали сильно утомлять солдатъ; мало было воды, и та дурная; заросшія камышомъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ, худали, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ.

Государь съѣздилъ въ Кистенджи, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ, и отдалъ приказаніе объ устроеніи тамъ госпиталей, какъ и о выгрузкѣ провіанта, привезеннаго на купеческихъ судахъ.

Спустя нѣсколько дней сняли лагерь при Карасу, и армія отправилась въ Базарджику.

Этотъ маленькій городокъ, брошенный жителями и окруженный множествомъ кладбищъ, представлялъ наглядный образъ опустошенія и смерти. Непріятель передъ уходомъ испортилъ тамъ всѣ фонтаны и колодцы, заваливъ ихъ соромъ и мѣшками съ мыломъ, такъ что не было возможности брать изъ нихъ воду безъ крайняго вреда для здоровья.

Передъ Базарджикомъ наша кавалерія имѣла небольшую стычку, при которой турецкая конница, воспользовавшись излишнею горячностью двухъ нашихъ уланскихъ эскадроновъ, нанесла имъ

сильный уронъ и даже совсѣмъ изрубила бы ихъ, если бы не подоспѣли на помощь гусары съ двумя конными орудіями. Турки продолжали, впрочемъ, свое отступательное движеніе; но лѣсистая мѣстность, изрытая оврагами, черезъ которые вели однѣ только узкія и иногда очень крутыя тропинки, крайне затруднявшія спускъ и подъемъ артиллеріи и обозныхъ фуръ, заставляли насъ удвоить мѣры предосторожности.

Войска двинулись къ избранному пунктомъ переправы мѣстечку Сатунову, лежащему напротивъ маленькой турецкой крѣпости Исакчи, чтобы тамъ выждать время, когда Дунай войдетъ въ берега. На дорогѣ, въ Бѣлградѣ, государь осмотрѣлъ 3-й корпусъ, состоявшій подъ командою генерала Рудзевича.

Въ Сатуновѣ мы впервые раскинули императорскій лагерь, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. Сверхъ всей свиты и иностранныхъ пословъ и генераловъ, въ немъ находились, для его охраненія и вмѣстѣ какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ.

Маркитанты, рестораторы и торговцы всякаго рода увеличивали еще его многолюдство. Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ. Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось, и дѣло устроилось къ удовольствію государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы.

Между тѣмъ производились исполинскія работы для отвращенія препятствій, представлявшихся къ переправѣ разливомъ Дуная, который въ этомъ году, отъ чрезвычайно дождливой весны, былъ необыкновенно полноводенъ. Чтобы добраться до его берега, принуждены были возвести плотину на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, посреди воды и въ топкомъ, илистомъ грунтѣ; на оконечности этой плотины, для охраненія ея и вмѣстѣ для расположенія батареи, долженствовавшей защищать нашу переправу, вывели валъ.

Турки съ своей стороны, въ виду нашихъ приготовленій, устроили на своемъ берегу, господствовавшемъ надъ нашимъ, разные

верки и батареи, съ цѣлью воспрепятствовать переправѣ и еще болѣе — укрѣпить выгодную свою позицію, на которую стянуты были значительныя силы. По вечерамъ огни турецкой арміи живописно обрисовывали эту позицію, которая, будучи примкнута, съ одной стороны, къ крѣпости Исакчи, а съ другой—къ глубокому болоту, возвышенностію своею и протяженіемъ, какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовленіями. Наша позиція, напротивъ, между гніющими камышами и среди болотъ, была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли укутанные въ туманѣ.

Государь все дѣятельно ускорялъ минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленныя для плавучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигнала ко входу въ Дунай. Гребныя флотиліи, наша и новыхъ нашихъ подданныхъ запорожцевъ, приблизились, противъ теченія, къ мѣсту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудіями; полки, которымъ слѣдовало идти въ головахъ колоннъ, подошли къ плотинѣ, и всѣ меньшія суда находились между камышами и кустами, покрывавшими нашъ берегъ.

Наконецъ 27-го мая, на разсвѣтѣ, государь со всею своею свитою отправился на оконечность плотины. Два егерскихъ полка изъ корпуса генерала Рудзевича первые взошли на транспортныя суда. Турки не замедлили отвѣчать на выстрѣлы, которые, для прикрытія переправы, вдругъ посыпались и съ нашей флотиліи, и съ батареи. Запорожскія лодки, болѣе легкія, чѣмъ наши, пристали къ непріятельскому берегу прежде всѣхъ другихъ. Кустарникъ и глубокая топь, вслѣдствіе разлива рѣки чрезвычайно затрудняли и высадку, и всякое движеніе впередъ; начальникъ штаба 2-й арміи генералъ-адъютантъ Киселевъ, генералъ князь Горчаковъ и командиры полковые и баталіонные первые вошли въ воду по поясъ; за егерями слѣдовали другіе полки, и вскорѣ кусты и болота были пройдены подъ убійственнымъ огнемъ; послѣ чего наши войска выстроились на открытой мѣстности, напротивъ гораздо многочисленнѣйшаго непріятеля, котораго сила еще увеличивалась возвышенными его укрѣпленіями.

Государь хотѣлъ самъ бѣжать на батарею и уже дошелъ до такого пункта, который обстрѣливали непріятельскія ядра; графъ

Дибичъ едва могъ склонить его удалиться оттуда на возвышеніе, на которомъ онъ прежде стоялъ и съ котораго видны были всѣ движенія нашихъ войскъ, флотиліи и турокъ. Въ эту минуту доложили, что командиръ канонерскихъ нашихъ лодокъ, капитанъ 2-го ранга Патаніоти раненъ, и государь велѣлъ мнѣ занять его мѣсто. Я поспѣшилъ къ берегу, чтобы сѣсть на лодку, но, найдя Патаніоти раненымъ лишь очень легко и продолжающимъ отдавать свои приказанія, я не захотѣлъ сообщить ему полученнаго мною повелѣнія. Огонь все еще продолжался одинаково съ обѣихъ сторонъ; наши суда, стараясь подойти къ турецкимъ батареямъ, съ усиліемъ подымались противъ теченія; я возвратился къ государю, который, бывъ удержанъ отъ личнаго участія въ боѣ, заботливо распоряжался объ уходѣ за ранеными, приносимыми съ берега.

Между тѣмъ наша пѣхота неудержимо шла на непріятеля, и, въ ту минуту какъ его батареи, все ближе и ближе громимыя нашими канонерскими лодками, постепенно замолкали, атака въ штыки рѣшила участь дня. Часть непріятеля засѣла въ крѣпости, а главныя его силы отступили по Бабадагской дорогѣ. Одинъ батальонъ нашъ бросился на послѣдній, остававшійся за турками редутъ; мы видѣли, какъ наши люди туда ворвались, но въ ту же минуту, посреди страшнаго треска, густой дымъ скрылъ ихъ отъ насъ. Взорвало пороховой погребъ, который увлекъ въ своемъ разрушеніи и русскихъ, и турокъ; впрочемъ, убитыхъ у насъ было при этомъ случаѣ не свыше двадцати, а прочихъ только болѣе или менѣе ранило.

Государь, въ нетерпѣливости своей, побѣжалъ къ берегу и, пока суда продолжали подвозить подкрѣпленіе отрядамъ, уже овладѣвшимъ высотами, велѣлъ наводить мостъ. Поощряемые его присутствіемъ, піонеры принялись за дѣло съ безпримѣрнымъ жаромъ. Но онъ не дождался наведенія моста и, въ виду еще не сдававшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, сѣлъ въ шлюпку Запорожскаго атамана. Послѣдній самъ стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ и едва за три недѣли передъ тѣмъ оставившимъ непріятельскій станъ, стоило лишь ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего

только двухъ генераловъ. Но атаманъ и его казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія.

Выйдя изъ деревни Козлуджи мы вступили въ край болѣе открытый и съ болѣе улыбающеюся природою. По мѣрѣ возвышенія горъ, и растительность становилась обильнѣе; долины, орошаемыя небольшими ручьями, растянулись и расширились, и вся мѣстность, несмотря на отсутствіе землевоздѣлыванія и сообщеній и на скудость рѣдкихъ деревень, представляла человѣку всѣ выгоды прекраснаго климата и плодоносной почвы. Изъ Козлуджи, гдѣ былъ оставленъ небольшой отрядъ для прикрытія нашего тыла и откуда братъ мой былъ отряженъ съ двумя батальонами для занятія горнаго городка Праводы, армія слѣдовала далѣе къ Шумлѣ.

Близъ Енибазара, гдѣ уже стоялъ нашъ авангардъ, государь поднялся на высокій пригорокъ, откуда явственно открывались высоты Шумлы, линія ея укрѣпленій, которыя, бывъ выведены изъ известковаго камня, казались длинною бѣлою лентою, наконецъ—непріятельскіе лагери, расположенные на двухъ высотахъ, фланкирующихъ эту обширную и важную крѣпость.

Его величество приказалъ раскинуть свою палатку у подошвы этого пригорка; на широкой долинѣ, разстилавшейся передъ нимъ, размѣстилась наша армія, а впереди ея—казачьи аванпосты, а противъ нихъ—турецкіе, за которыми тянулся ихъ лагерь, прикрывавшій Шумлу. Государь имѣлъ, наконецъ, передъ собою главныя непріятельскія силы и лично распоряжалъ приготовленіями къ бою.

Въ этомъ, статься можетъ, была сдѣлана ошибка, за которую отвѣтственность лежала единственно на начальникѣ главнаго штаба графѣ Дибичѣ,—ошибка, состоявшая въ томъ, что военную репутацію молодаго нашего монарха, его первые опыты полководческихъ дарованій подвергали всѣмъ случайностямъ неровнаго состязанія. Турки, обильно всѣмъ снабженные, находясь на собственной землѣ, вблизи отъ необходимыхъ пособій, имѣя повсюду открытыя для себя сообщенія, насчитывали въ рядахъ своихъ слишкомъ 80.000 человѣкъ и занимали укрѣпленную позицію. Наша же армія, напротивъ, отдѣленная рѣками и значительнымъ пространствомъ отъ всѣхъ своимъ источниковъ снабженія, ослабленная въ численности послѣ занятія Молдавіи и Валахіи, оставленіемъ гарнизоновъ въ завое-

ванныхъ крѣпостяхъ и отрядовъ для блокированія другихъ, утомленная переходами,—считала подъ ружьемъ, за исключеніемъ больныхъ, менѣе 30.000, и стояла на позиціи не слишкомъ выгодной. Туркамъ предстояло выдержать здѣсь послѣднюю борьбу съ нашими орлами, и легко могло случиться, что русскому царю, какъ нѣкогда Петру Великому на Прутѣ, придется уступить числу и преклониться предъ султаномъ. Несмотря на все это, рѣшено было атаковать непріятеля.

8-го іюля съ утра графъ Дибичъ пошелъ съ нѣсколькими дивизіями въ обходъ праваго непріятельскаго крыла, а остатокъ арміи, подъ личнымъ предводительствомъ государя, двинулся, въ нѣсколькихъ каре, прямо на Шумлу. Турки, оттянувшись до высотъ, образующихъ какъ бы занавѣсъ передъ городомъ, развернули тутъ свою артиллерію. Въ этой позиціи, съ гребня возвышенности, до которой намъ надо было добираться по длинной отлогости, турецкая артиллерія могла дѣйствовать съ несравненнымъ превосходствомъ противъ нашей.

Государь, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и всею выдержкою стараго воина, управлялъ движеніями и отдавалъ приказанія съ такою же точностію, какъ бы на маневрахъ. Видъ съ маленькаго пригорка, на которомъ онъ стоялъ, открывался безподобный. Можно было явственно различать, какъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ отрядъ Дибича подступалъ къ непріятелю, какъ справа громили его турецкія пушки, какъ потомъ турецкая конница стремительно бросилась на нашихъ, встрѣтившихъ ее батальнымъ огнемъ и все продолжавшихъ подходить къ непріятельской позиціи. Была и одна жаркая минута, когда флигель-адъютантъ Реадъ, везшій приказаніе Дибичу, былъ, возлѣ него самаго, сорванъ ядромъ съ лошади. На правомъ флангѣ часть нашей конницы развернулась для сдержанія турецкой, пытавшейся обойти его. Съ нашего пригорка видны были каждая атака съ той и другой стороны, каждый пистолетный выстрѣлъ. Государь покойно выжидалъ благопріятной минуты для нападенія на центръ. Послѣ стычки у небольшой рѣчки, защищавшей подступы къ позиціи, наши егеря разсыпались въ стрѣлковый строй по ту ея сторону, и государь двинулъ массу пѣхоты для окончанія дѣла. Мужественно атакованный на всѣхъ пунктахъ, непрія-

тель началъ отступать; пользуясь, однакоже, мѣстностью находившейся подъ огнемъ артиллеріи, онъ исполнилъ свое движеніе довольно въ порядкѣ и, неторопливо оставляя намъ поле сраженія, возвратился къ своей превосходной укрѣпленной позиціи, за стѣнами и крутыми горами Шумлы.

Когда мы заняли мѣсто, гдѣ прежде стояла турецкая армія, между нами и Шумлою находилась только обширная и прекрасная равнина, на которой еще гарцовало нѣсколько всадниковъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и богатомъ вооруженіи. Несмѣтное множество разноцвѣтныхъ знаменъ и значковъ развѣвалось надъ турецкими укрѣпленіями и лагерями, окружавшими Шумлу, а насупротивъ ихъ наши знамена и батальоны рисовались въ разныхъ пунктахъ, дополняя такимъ образомъ одну изъ величественныхъ картинъ, какую мнѣ когда-либо случалось видѣть.

Государь отблагодарилъ всѣхъ, велѣлъ заняться ранеными и, на ряду съ солдатами, провелъ эту ночь на бивуакахъ.

На слѣдующее утро прибыли обозы, и нашъ лагерь раскинулся противъ самаго центра Шумлы. Армія расположилась впереди и по бокамъ императорскаго стана, котораго я остался комендантомъ, имѣя при себѣ два егерскихъ полка и 120 резервныхъ орудій. Затѣмъ начали прикрывать нашу линію редутами, которые должны были служить вмѣстѣ и подступами къ крѣпости; но ихъ настроили слишкомъ много и тѣмъ ослабили ряды нашихъ батальоновъ. Кавалеріи, уже утомленной, приходилось отыскивать вдалекѣ фуражъ, и притомъ довольно дурной; неизбѣжная надобность въ частомъ нарядѣ конвоевъ, безпрерывныя стычки, въ особенности же необходимость быть вѣчно насторожѣ противъ многочисленной, хорошо содержанной и охраняемой Шумлинскими стѣнами непріятельской конницы, совершенно обезсилили нашихъ лошадей и изнурили храбрыхъ всадниковъ. Кромѣ того, наши сообщенія были затруднены, и фуражиры безпрестанно тревожимы.

Словомъ, пока мы готовились осаждать Шумлу, скорѣе мы сами представляли осажденный станъ.

Курьеровъ нашихъ рѣзали, транспорты грабили, болѣзни все болѣе и болѣе разрѣжали наши ряды, и волы издыхали сотнями, отчего останавливался подвозъ припасовъ.

Непріятель дѣлалъ частыя вылазки, съ цѣлію препятствовать нашимъ работамъ и перехватывать наши отряды. Государь ежедневно объѣзжалъ весь лагерь, осматривалъ аванпосты и, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, всегда являлся на мѣсто боя. Благодаря вашей дисциплинѣ и благоразумнымъ распоряженіямъ, турки почти каждый разъ были отражаемы съ урономъ; но всякое сраженіе, безъ существенной пользы, увеличивало число раненыхъ, солдатъ и лошадей. Графъ Дибичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и зашедшій слишкомъ далеко, продолжалъ предсказывать скорое паденіе Шумлы. Всѣ прочіе генералы начинали въ томъ сомнѣваться, и каждый потерянный день все болѣе и болѣе подтверждалъ ихъ печальныя предвидѣнія. Государь, одаренный, при всемъ кипучемъ своемъ жарѣ, вѣрнымъ сужденіемъ и взглядомъ, вскорѣ самъ убѣдился въ безполезности нашихъ усилій и въ двусмысленности угрожающаго намъ положенія. Онъ призналъ ниже своего достоинства напрасно тратить время передъ неприступною позиціею, тѣмъ болѣе, что высшіе интересы призывали его на другіе пункты.

Пришедшее между тѣмъ извѣстіе о покореніи адмираломъ Грейгомъ и княземъ Меншиковымъ, крѣпости Анапы,—послѣ чудесъ дѣятельности и храбрости, выказанныхъ нашимъ флотомъ и слабымъ сухопутнымъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, — позволяло употребить въ пользу наши суда, способности князя Меншикова и бывшую подъ его начальствомъ неустрашимую пѣхоту Предназначено было употребить ихъ къ покоренію Варны, крѣпости первостепенной важности по многочисленному ея гарнизону и особенно по обширному и превосходному рейду, находящемуся подъ ея выстрѣлами.

Государь, еще не видавшій Черноморскаго флота, захотѣлъ взглянуть на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать первыя распоряженія къ осадѣ Варны, потомъ отправиться моремъ въ Одессу, для осмотра резервныхъ батальоновъ, формировавшихся тамъ для укомплектованія дѣйствующей арміи, и, наконецъ, посвятить нѣсколько дней дѣламъ государственнаго управленія. Подъ Шумлою должны были остаться графъ Дибичъ и главнокомандующій графъ Витгенштейнъ.

Государь взялъ съ собою только великаго князя Михаила Па-

вловича, генералъ-адъютанта Васильчикова, графа Нессельрода, графа Потоцкаго и меня: лишь съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить его приказать слѣдовать при себѣ еще, для конвоя, малочисленному Конно-Егерскому полку, двумъ батальонамъ пѣхоты и одной батареѣ конной артиллеріи [1]).

Въ сопровожденіи этого слабаго отряда, мы оставили лагерь 21-го іюля около 9-ти часовъ утра.

По моему распоряженію оба батальона пѣхоты выступили еще наканунѣ, съ приказаніемъ остановиться на половинѣ дороги между Шумлою и Козлуджи, сколько для наблюденія за этою, окруженною наибольшими опасностями мѣстностію, столько и для того, чтобы не слишкомъ ихъ утомить переходомъ заразъ, слишкомъ въ 35 верстъ.

Едва мы проѣхали Енибазаръ, какъ передовые казаки дали знать, что они открыли непріятеля. Къ счастію, отданное уже государемъ приказаніе, чтобы Конно-Егерскій полкъ и батарея шли обратно, не было еще приведено въ исполненіе. По нашимъ усиленнымъ настояніямъ отрядъ получилъ повелѣніе построиться въ боевой порядокъ. Турки, увидѣвъ нашу готовность къ бою, отступили къ окрестнымъ горамъ и скрылись въ лѣсу, а мы продолжали нашъ путь до того мѣста, гдѣ стояла бивуаками посланная впередъ пѣхота. Здѣсь мы дали отдыхъ лошадямъ и сами подкрѣпились веселымъ обѣдомъ, послѣ котораго, снова сформировавъ нашъ конвой, пустились далѣе. Отвѣтственность за безопасность государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командира главной его квартиры. Меня невольно охватывалъ ужасъ при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной Россіи; вся наша сила состояла изъ 700 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы, и съ этою горстью людей мы шли по пересѣченному горами и рѣчками краю, гдѣ предпріимчивый непріятель, имѣвшій еще на своей сторонѣ и ревностную помощь жителей, могъ напасть на насъ и одолѣть числомъ. Я взялъ всѣ возможныя въ нашемъ положеніи мѣры предосторожности; но сердце мое сильно билось.

---

[1]) „Et 3 escadrons des Cosaques de la garde". Примѣчаніе императора Николая.

Дорога наша была та самая, которою мы пришли къ Шумлѣ и единственная, по которой слѣдовали туда наши транспорты; за то она и была усѣяна падалью, заражавшею воздухъ; погонщики за недоставленіемъ фуража и пойла, бросали на пути своихъ воловъ, которые издыхали одинъ послѣ другаго.

Прибывъ вечеромъ довольно поздно въ Козлуджи, мы расположились лагеремъ близъ плохаго редута, которымъ прикрывался оставленный тамъ казачій этапъ. Едва успѣли сложить ружья въ козлы, какъ прискакалъ казакъ просить помощи для обоза съ провіантомъ, на который напали турки позади нашей позиціи. Когда наши люди подоспѣли, непріятель уже бѣжалъ, убивъ нѣсколькихъ погонщиковъ и уведя съ собою воловъ.

Я послалъ отрядъ, чтобы установить сообщеніе съ моимъ братомъ, занимавшимъ гористую мѣстность между Шумлою и Козлуджи и находившимся въ безпрестанной опасности непріятельскаго нападенія. Далека была отъ меня мысль, что въ рапортѣ, полученномъ мною отъ него въ отвѣтъ, я въ послѣдній разъ увижу почеркъ моего дорогаго и достойнаго брата.

Въ продолженіе этого времени князь Меншиковъ, прибывъ изъ-подъ Анапы, высадилъ свою пѣхоту въ Коварнѣ, откуда долженъ былъ направиться къ Варнѣ, чтобы прибыть туда одновременно съ нашимъ флотомъ. Навстрѣчу князю, для прикрытія его высадки, посланъ былъ генералъ Деллингсгаузенъ съ повелѣніемъ содержать потомъ сообщеніе между Козлуджи и Варною, для охраненія слѣдовавшаго въ послѣднюю государя. Намъ предстояло идти лѣсомъ и пересѣченною мѣстностію, гдѣ непріятель ежедневно могъ тревожить наши сообщенія. Въ ожиданіи извѣстій отъ Деллингсгаузена надо было оставаться въ лагерѣ подъ Козлуджи, подверженномъ безпрестаннымъ опасностямъ и въ которомъ пребываніе становилось несноснымъ, отъ неизвѣстности насчетъ обезпеченія дальнѣйшаго нашего движенія. Тутъ подъ солдатскими палатками, мы провели и 22-ое іюля, день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, столько лѣтъ отличавшійся блестящимъ Петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и государя, и всѣхъ насъ, и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть, которая была какъ

бы предчувствіемъ того, что уже никогда впредь не будетъ торжества 22-го іюля въ честь обожаемой нашей императрицы.

Я отрядилъ адъютанта моего Толстаго, съ двумя егерскими ротами для занятія, у выхода изъ Козлуджанской долины, лѣсистой дороги, которою мы должны были идти. По нетерпѣливости государя, не желавшаго долѣе медлить, лагерь нашъ снялся 23-го числа; впервые, и то лишь по убѣдительнымъ просьбамъ всей его свиты, онъ согласился держаться вблизи пѣхоты и ѣхалъ между маленькимъ нашимъ авангардомъ и первымъ взводомъ двухъ слабыхъ нашихъ батальоновъ. Почти у самаго выхода изъ лѣса, одинъ изъ нашихъ егерей былъ раненъ пулею изъ засады, оставшейся незамѣченною. Послѣ нѣсколькихъ часовъ хода мы очутились на прелестной нагорной равнинѣ, покрытой безподобною растительностію, и наконецъ передовые казаки распознали вдали Варну, море и нашъ флотъ. Видъ этотъ былъ столько же великолѣпенъ, сколько для насъ радостенъ.

Мы собственными глазами удостовѣрились, что Меншиковъ совершилъ свое движеніе, и что нашъ флотъ занялъ указанную ему позицію.

Встрѣтивъ на пути маленькій редутъ, занятый казачьимъ постомъ и вагенбургомъ Деллингсгаузена, и узнавъ, что послѣдній, на походѣ, въ Коварнѣ, выдержалъ нѣсколько жаркихъ дѣлъ, мы остановились здѣсь, для отдыха отъ самаго утомительнаго, по страшной духотѣ, перехода. Ночью пришло извѣстіе, что Деллингсгаузенъ соединился, наконецъ, съ отрядомъ князя Меншикова, и что наканунѣ они, сразясь со всѣми турецкими силами, сдѣлавшими вылазку изъ Варны, расположились на окрестныхъ къ ней высотахъ.

На разсвѣтѣ мы пошли далѣе и около 10-ти часовъ утра достигли возвышенной позиціи князя Меншикова. Далеко подъ нами виднѣлись Варна съ ея передовыми укрѣпленіями, разноцвѣтныя турецкія палатки и знамена, и наши линейные корабли.

Государь объѣхалъ всѣ войска, поблагодарилъ 13-й и 14-й егерскіе полки за славные ихъ подвиги подъ Анапою, обсудилъ съ княземъ Меншиковымъ планъ осады Варны и потомъ воротился опять, за нѣсколько верстъ, къ пункту, откуда долженъ былъ отправиться въ море.

Берегъ шелъ крутыми и поросшими лѣсомъ скатами, по которымъ чрезвычайно трудно было спускать наши вьюки, кухонную посуду и пр. За это дѣло взялись конные артиллеристы Донскаго войска, и тамъ, гдѣ казалось страшно даже пробираться пѣшеходу, они мастерски спускали передки своихъ орудій.

Достигнувъ, наконецъ, морскаго берега не безъ усилій и покрытые потомъ, мы нашли въ маленькой бухтѣ, защищенной скалами, большую шлюпку съ гвардейскими матросами, тѣми самыми, которые и въ Петербургѣ возили государя. Весь гвардейскій экипажъ, прибывшій вмѣстѣ съ другими полками гвардіи, былъ размѣщенъ по разнымъ линейнымъ кораблямъ. Прислуга наша съ вещами была посажена на другія шлюпки.

Выѣхавъ изъ бухты, мы пересѣли на пароходъ, который подвезъ насъ къ адмиральскому трехдечному кораблю «Парижъ». Государь впервые еще ступилъ на судно Черноморскаго своего флота.

Съ палубы «Парижа» гдѣ принялъ государя адмиралъ Грейгъ, открылась передъ нами вся Варна. Можно было даже пересчитать амбразуры въ ея стѣнахъ. Нашъ флотъ, состоявшій изъ девяти линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и корветовъ и значительнаго числа транспортныхъ и другихъ малаго размѣра судовъ, величественно рисовался въ виду минаретовъ и пушекъ грозной Варны.

Пока людей и багажъ перевозили на фрегатъ «Флору», назначенный для переѣзда нашего въ Одессу, насъ угостили на палубѣ изящнымъ обѣдомъ. Подъ вечеръ государь перебрался на «Флору», и императорскій флагъ впервые развился на Черномъ морѣ, столь желанномъ Петромъ Великимъ и завоеванномъ Екатериною II.

Погода была безподобная; умѣренный попутный вѣтеръ несъ насъ къ отечественнымъ берегамъ, которые мы увидѣли на другой день послѣ отплытія. Въ четвертыя сутки мы уже были въ Одессѣ. Этотъ переѣздъ совершенно походилъ на увеселительную прогулку.

Императорскій флагъ, подъ которымъ мы шли, открылъ жителямъ Одессы тайну нашего приближенія, и, завидя его, весь городъ поднялся на ноги. Паруса спустились, якорь впился въ дно морское, и наши дюжіе гребцы въ минуту примчали насъ къ ногамъ

императрицы, выбѣжавшей навстрѣчу къ своему супругу [1]). Свиданіе ихъ было столько же трогательно, сколько неожиданъ самый пріѣздъ.

Со времени перехода черезъ Дунай, нога наша не была ни въ одномъ домѣ, и мы не видали ни одной женщины. Взглядъ нашъ постоянно встрѣчалъ однѣ картины лагерей, опустошенія, кровопролитія и горя; и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, мы очутились въ прелестномъ дворцѣ (домъ графа Воронцова), гдѣ все дышало изяществомъ, счастьемъ и весельемъ.

Столъ былъ поданъ; императорская чета обѣдала въ своихъ комнатахъ, а насъ угощали статсъ-дамы и фрейлины. Все это казалось намъ обаятельнымъ сномъ.

Государь, съ обычною своею дѣятельностью, умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные батальоны и городскія заведенія и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ желая взглянуть на верфь въ Николаевѣ, онъ отправился туда, вмѣстѣ съ императрицею, на корветѣ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ. Надо было тотчасъ озаботиться его замѣщеніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ Варнскимъ отрядомъ графу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибытіемъ его туда моремъ.

Воронцовъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ.

Въ этомъ арсеналѣ Черноморскаго нашего флота, учрежденномъ княземъ Потемкинымъ и усовершенствованномъ адмираломъ Грейгомъ, уже лѣтъ 20-ть прилагавшимъ къ тому самое ревностное стараніе, государь внимательно осмотрѣлъ всѣ части и остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Черезъ два дня мы пустились въ обратный путь, при чудеснѣйшей погодѣ; нашъ красивый корветъ, снова бук-

---

[1]) При императрицѣ, во время пребыванія ея въ Одессѣ, находилась великая княжна Марія Николаевна. Н. Ш.

сируемый пароходомъ, величественно плылъ мимо завоеванныхъ нашими орлами стѣнъ Очакова и Кинбурна и, при видѣ ихъ, мысль съ гордостью переносилась къ эпохѣ зарождавшейся славы Суворова. Орудія обѣихъ крѣпостей привѣтствовали императорскій флагъ.

Подъ вечеръ разыгрался сильный противный вѣтеръ; императрица почувствовала себя нездоровою, и наше плаваніе потеряло всю свою прелесть. Послѣ порядочной качки, мы прибыли въ Одессу уже къ утру.

Далекъ я былъ отъ мысли объ ожидавшей меня тамъ горькой новости. Тотъ же адъютантъ, который привезъ извѣстіе о ранѣ князя Меншикова, былъ и вѣстникомъ смерти бѣднаго моего брата; государь не захотѣлъ огорчить меня симъ въ минуту нашего выѣзда изъ Одессы, но взялся лично объявить мнѣ эту печальную вѣсть въ день нашего возвращенія. Братъ мой занемогъ отъ тяжелыхъ трудовъ войны въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря, ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи. По его желанію, тѣло его впослѣдствіи перевезли въ Штутгардтъ, гдѣ покоится прахъ его жены; въ Праводахъ сдѣлали ему гробъ изъ свинца, снятаго съ крыши тамошней мечети.

Гвардія, вышедшая изъ Петербурга, какъ я уже сказалъ, въ исходѣ зимы, быстро приближалась къ театру войны. Ей дано было приказаніе идти къ Варнѣ, и великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, поѣхалъ навстрѣчу ей къ переправѣ у Сатунова.

Государь, желая прибыть къ Варнѣ ко времени прихода туда своей гвардіи, простился съ императрицею, и мы послѣ обѣда сѣли на тотъ же фрегатъ, который привезъ насъ въ Одессу. Сначала былъ довольно свѣжій попутный вѣтеръ, и мы могли разсчитывать срокъ нашего плаванія; но къ восходу солнца, вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, перешелъ въ бурю. Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, насъ относило назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ, въ избѣжаніе несчастія, воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій быть скорѣе въ Варнѣ, рѣшась ѣхать сухимъ путемъ, велѣлъ повернуть

назадъ къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ туда, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли, насъ застигла страшная темь; буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза, и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности, не горѣлъ; мы нашлись вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ па нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщаемые молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

Государь сошелъ въ шлюпку, и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ и, пѣшкомъ, не встрѣчая ни души, побрели, по липкой грязи, къ дому графа Воронцова. У входа туда я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этому нежданному возвращенію.

Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда уже мчался съ государемъ въ коляскѣ. Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ, для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова идти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

Мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся, при первой нашей переправѣ, громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировало всего четыре казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда на открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ иму-

ществомъ. Подобно имъ могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и не до разговоровъ. Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія [1]), дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ, по непріятельской землѣ, съ русскомъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ! Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ нашъ большой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такіе размѣры, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровью.

Отсюда, на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ, мы отправились въ Кистенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти непроложенной дорогѣ, надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи, свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію, мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ, генералы, офицеры и солдаты, высыпали къ палаткѣ дивизіоннаго командира генералъ-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ почти одинъ, около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошій супъ и постлали хорошія постели.

Рано утромъ государь сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій, по усиленной моей просьбѣ, былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ

---

[1]) Слѣдовательно, графъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году. Н. Ш.

всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только-что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кистенджи, государь поѣхалъ далѣе.

Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія, лежали въ 50-ти домахъ. На обходъ ихъ, по смертельной духотѣ, потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ одинъ уже лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе пали жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ на кухняхъ и проч. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру мы пріѣхали въ Коварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда, за два дня передъ тѣмъ, выступила вся гвардія.

Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Коварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а вслѣдъ затѣмъ государь, подъ вечеръ, сѣлъ въ шлюпку, которая при очень сильномъ вѣтрѣ, перевезла насъ на фрегатъ.

Тутъ только я узналъ, что тѣло бѣднаго моего брата, до удобнаго случая къ отвозу его въ Одессу, лежало еще въ одной изъ Коварнскихъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной. Государь, въ благодушіи своемъ желая, чтобы я не видѣлъ этотъ дорогой гробъ, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло брата моего еще въ Коварнѣ, а самого меня, во время осмотра имъ города, услалъ въ лагерь.

На другое утро, нашъ фрегатъ бросилъ якорь посреди флота, напротивъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были, дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ, или разрушены, или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ и который мы оставили на высотахъ, далеко внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и, посредствомъ параллелей и траншей, пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батарея дѣйствовала съ промежутками день и ночь, каждый изъ линейныхъ кораблей

выходилъ, по очереди, на пол-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареи; наконецъ, гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую.

Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парижъ», а остальные—въ палаткахъ вовлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ сталъ и обозъ.

Государь сошелъ на берегъ, для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ. Число тѣхъ и другихъ возрастало ежедневно, и государь, съ истинно-отеческою заботливостью, не пропускалъ ни одного дня, чтобы ихъ не навѣстить.

Турки храбро защищались, а наша пѣхота являла самые блистательные подвиги мужества и дѣятельности. Генералъ Шильдеръ съ необыкновеннымъ искусствомъ управлялъ инженерными работами. Въ нихъ участвовалъ и гвардейскій саперный батальонъ, раздѣляя труды армейскихъ піонеровъ. Полки Измайловскій и Семеновскій спустились съ горы на подмогу слабому отряду, болѣе мѣсяца день и ночь боровшемуся съ непріятелемъ, гораздо его многочисленнѣйшимъ.

Государь проводилъ всякое утро въ лагерѣ осаждающихъ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ».—Нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ, спускъ нашъ на берегъ или всходъ на корабль были сопряжены съ крайнею опасностью.

Между тѣмъ непріятель, видя слабость нашихъ дѣйствій противъ Шумлы и рѣшась отстоять, во что бы ни стало, важный для него Варнскій пунктъ, отрядилъ туда изъ шумлинскаго гарнизона сильную колонну подъ начальствомъ Омеръ-паши, которая направилась къ Варнѣ съ южной ея стороны. За нею слѣдовалъ нашъ отрядъ, нарочно по этому случаю составленный и ввѣренный принцу Евгенію Виртембергскому, съ приказаніемъ тревожить ту-

рецкій корпусъ на его маршѣ и даже, если бы представился къ тому случай, вступить съ нимъ въ бой.

Принцъ не довольно сообразилъ свои движенія и, настигнувъ непріятельскую колонну въ выгодной для нея, но совсѣмъ не для насъ, позиціи, велѣлъ части своего отряда произвесть нападеніе подъ начальствомъ храбраго молодаго генерала Дурново. Сей послѣдній, увлекаемый лишь своею отвагою, пошелъ прямо въ штыки, опрокидывая и преслѣдуя всѣхъ на пути; но, не будучи своевременно подкрѣпленъ и наткнувшись на свѣжія непріятельскія войска, далеко его сильнѣйшія, долженъ былъ выдержать неравный и кровопролитный бой; самъ Дурново палъ подъ пулями на мѣстѣ сраженія, а отрядъ его, утомленный и упавшій духомъ отъ потери начальника, въ свою очередь показалъ тылъ.

Эта неудача напугала принца Виртембергскаго, а туркамъ придала бодрости: они заняли другую, также весьма выгодную позицію, верстахъ въ 15-ти отъ Варны.

Въ той же сторонѣ, т. е. у южной части Варнскаго залива, находились гвардейскій Егерскій и Финляндскій полки, уже прежде туда переведенные. Назначеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы пресѣчь сообщенія крѣпости съ Константинополемъ и имѣть наблюденіе какъ за ведущими туда дорогами, такъ и за Варнскимъ гарнизономъ. Приближеніе корпуса Омеръ-паши заставило усилить этотъ отрядъ полками Павловскимъ и Лейбъ-Гренадерскимъ и укрѣпить его позицію нѣсколькими редутами по обоимъ его фасамъ. Государь, огорченный неудачею принца Виртембергскаго и желая получить возможно-точныя свѣдѣнія о численности и намѣреніи непріятельской колонны, послалъ своего флигель-адъютанта Залускаго, родомъ поляка, съ нѣсколькими эскадронами конныхъ егерей и двумя гвардейскими егерскими батальонами, на усиленную рекогносцировку. Пройдя незамѣченно почти весь промежутокъ, раздѣлявшій нашъ лагерь отъ непріятельскаго, этотъ маленькій отрядъ подошелъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предосторожностей, на ружейный выстрѣлъ отъ турецкаго лагеря. Залускій, послѣ долгихъ колебаній, скомандовалъ отступленіе уже тогда, когда оно сдѣлалось почти невозможнымъ. Турки, опомнясь отъ своего изумленія, успѣли вскочить на лошадей и окружить нашъ слабый отрядъ.

У гвардейскихъ офицеровъ не было никакой опытности, а полковой командиръ, никогда не бывавшій на войнѣ, не пользовался довѣріемъ солдатъ. Скоро произошло замѣшательство въ рядахъ, которымъ поросшая кустарникомъ мѣстность не позволяла равняться, и Залускій ускорилъ свое отступленіе съ кавалеріею, бросивъ пѣхоту. Лейбъ-егеря потеряли одно знамя, и болѣе половины изъ двухъ ихъ батальоновъ было изрублено.

Вѣсть объ этомъ несчастномъ приключеніи дошла до государя посредствомъ телеграфа. Онъ приказалъ мнѣ принять немедленно командованіе надъ всѣмъ отрядомъ и посмотрѣть, не найдется ли на другой день возможности омыть позоръ лейбъ-егерей.

Прибывъ въ лагерь уже подъ ночь, я былъ непріятно изумленъ унынiемъ, изображавшимся на лицахъ всѣхъ старшихъ. Пораженіе двухъ батальоновъ вселило ужасъ въ неопытныхъ гвардейскихъ офицерахъ. Я увидѣлъ, что необходимо дать пройти нѣсколькимъ днямъ, для оживленія духа войскъ, и что было бы опасно вести ихъ теперь снова въ дѣло по пути, еще усѣянному трупами ихъ товарищей, и по такой мѣстности, гдѣ сплошной кустарникъ очень затруднялъ сохраненіе порядка и согласія въ движеніяхъ. Рѣшась, вслѣдствіе того, ничего не предпринимать, я употребилъ ночь на то, чтобъ дать новую диспозицію отряду и оградить его, по крайней мѣрѣ, отъ всякаго нападенія врасплохъ. Но непріятель, нисколько не думая воспользоваться своимъ успѣхомъ, не тронулся съ мѣста и допустилъ насъ спокойно укрѣпить какъ нашъ лагерь, такъ и проходы, чрезъ которые Варнскій гарнизонъ могъ бы вступить въ соединеніе съ корпусомъ Омеръ-паши.

Генералъ Бистромъ, прежній командиръ л.-гв. Егерскаго полка и теперь начальникъ Гвардейской пѣхоты, пріѣхалъ мнѣ на смѣну. Онъ привезъ съ собою высочайшій приказъ, которымъ л.-гв. Егерскій полкъ объявленъ упраздненнымъ, а люди его размѣщались въ 13-й и 14-й Егерскіе полки, до возстановленія ихъ чести особеннымъ отличіемъ [1]). Взбѣшенный Бистромъ, со слезами на глазахъ,

---

[1]) Послѣ взятія Варны л.-гв. Егерскій полкъ былъ сформированъ снова, отчасти изъ числа офицеровъ и солдатъ этихъ двухъ храбрыхъ полковъ. Н. Ш.

прочелъ громогласно этотъ приказъ, и всѣ солдаты были сильно возмущены своимъ посрамленіемъ и горькими упреками прежняго мужественнаго ихъ начальника. Надо, впрочемъ, прибавить, что впослѣдствіи они загладили свою вину усердіемъ и храбростію, превосходившими всякую похвалу.

Наконецъ Омеръ-паша, ободренный двойною своею удачею, двинулся впередъ и занялъ позицію противъ самаго нашего лагеря. Его появленіе, почти въ виду Варны, ободрило осажденныхъ и поселило въ нихъ новыя надежды. Они участили свои вылазки и еще смѣлѣе шли въ бой. Съ нашей стороны отважились было атаковать турецкій лагерь; но позиція его была слишкомъ сильна, и эта попытка стоила намъ довольно дорого.

Между тѣмъ наши осадныя работы болѣе и болѣе придвигались къ крѣпостнымъ веркамъ. Оврагъ былъ перейденъ, и минеры принялись вести мины подъ укрѣпленія. Наши пушки очищали ровъ, въ которомъ нерѣдко дрались холоднымъ оружіемъ. Одна мина была заряжена и, пользуясь ея взрывомъ, затмившимъ воздухъ дымомъ и пылью, отрядъ матросовъ и рота Измайловскаго полка бросились на приступъ и проникли далеко во внутрь города. Въ первую минуту перепуганные турки побѣжали съ крѣпостныхъ стѣнъ, и напавшіе, увлекаясь удалью, преслѣдовали ихъ по улицамъ, между развалинами домовъ. Но вскорѣ турки, однакожъ, очнулись и въ свою очередь заставили нашихъ солдатъ отступить. Можетъ статься, мы успѣли бы овладѣть городомъ, еслибъ приступъ нашихъ удальцовъ былъ поддержанъ нѣсколькими полками; но государь не желалъ общаго приступа, опасаясь потерять много людей, въ которыхъ у насъ не было избытка.

Впрочемъ, эта попытка достаточно убѣдила непріятеля въ тщетности дальнѣйшаго сопротивленія, и не далѣе какъ съ слѣдующаго утра уже начали перебѣгать къ намъ дезертиры съ вѣстями объ унынiи, овладѣвшемъ городомъ, и о разномыслiи, перешедшемъ почти во вражду, между двумя главными начальниками крѣпости. Капуданъ-паша, главный изъ нихъ, боялся, сдачею крѣпости въ виду стоявшаго возлѣ нея сильнаго вспомогательнаго корпуса, посрамить себя въ глазахъ своего повелителя, а Юсуфъ-паша, командовавшій большею частію войскъ, выводилъ противное сему заклю-

ченіе изъ бездѣйствія этого корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ поставлялъ на видъ полуразрушенное состояніе стѣнъ, легкость приступа, уже доказанную на опытѣ, и недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ.

Вслѣдствіе всего этого начались переговоры, заключено было перемиріе, между нашимъ лагеремъ и крѣпостью установилось сообщеніе, и турки цѣлыми толпами выходили изъ города.

Наконецъ Юсуфъ-паша, подъ предлогомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, самъ прибылъ въ лагерь графа Воронцова, сопровождаемый многочисленною свитою. И ему и прочимъ туркамъ, которыхъ прибывало все болѣе и болѣе, отвели особыя палатки, и съ этой минуты между осаждающими и осажденными водворилось совершенное согласіе.

Иностранные послы и министры, оставшіеся покамѣстъ въ Одессѣ, въ это время прибыли въ Варнскій рейдъ, на предоставленномъ въ ихъ распоряженіе линейномъ кораблѣ. Разнообразіемъ своихъ мундировъ и кокардъ они еще болѣе увеличили чудное смѣшеніе, господствовавшее въ нашемъ лагерѣ.

Всѣ войска, разсѣянныя по апрошамъ и разнымъ позиціямъ, были укрываемы садами и извилинами мѣстности. Лагерь охранялся всего только пѣхотнымъ пикетомъ и одною гвардейскою ротою, занимавшею откосъ пригорка, на которомъ стояла государева палатка, такъ что вокругъ насъ толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ. Число первыхъ потомъ еще усилилось нѣсколькими тысячами всадниковъ, которые постепенно пріѣзжали, въ галопъ, въ полномъ вооруженіи къ своему пашѣ, жившему съ нами уже два дня.

Это усиленіе непріятеля внутри нашего лагеря, имѣвшаго весь видъ заранѣе составленнаго плана, могло возбуждать нѣкоторое недовѣріе. Несмотря на то, государь, иностранные министры и всѣ мы прохаживались между палатками какъ бы ни въ чемъ не бывало. Спустили только съ горы Преображенскій полкъ и три эскадрона лейбъ-гусаръ, и тогда турецкая кавалерія, бывъ обезоружена, стала на бивуакахъ и принялась варить для себя пищу и кормить своихъ лошадей, съ удивительнѣйшимъ хладнокровіемъ. Юсуфъ-паша самъ объявилъ себя нашимъ военноплѣннымъ; но Капуданъ-паша, затворившись въ цитадели, и слышать не хотѣлъ о перего-

ворахъ; канониры стояли у пушекъ съ зажженными фитилями, и войска съ обѣихъ сторонъ только ждали сигнала къ бою. Наконецъ, графъ Воронцовъ направилъ нѣсколько батальоновъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ, находившихся до тѣхъ поръ внѣ круга нашихъ дѣйствій; солдаты спустили подъемный мостъ, выломали ворота и вступили въ городъ съ барабаннымъ боемъ и въ совершенномъ порядкѣ. Турки нимало не сопротивлялись нашему отряду и немедленно уступили ему всѣ укрѣпленія и ворота. Варна была наша.

Капуданъ-пашѣ, отстаивавшему ввѣренную ему крѣпость съ такимъ мужественнымъ упорствомъ, позволено было выѣхать изъ города, куда угодно, съ вооруженнымъ конвоемъ въ 400 человѣкъ. Остальной гарнизонъ объявленъ военноплѣннымъ, кромѣ конницы, добровольно перебравшейся въ нашъ лагерь, которую распустили по домамъ.

Государь тотчасъ отправился въ покоренную Варну; спустился въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы; осмотрѣлъ тщательно все сдѣланное нашими инженерами; поднялся на стѣны, коронованныя нашими турами, и обошелъ часть линіи атаки. Турки спокойно сидѣли за трубками и равнодушно на насъ глядѣли.

На другой день государь въѣхалъ въ крѣпость верхомъ, чтобы взглянуть на ея положеніе. Насъ обдало такимъ невыносимымъ смрадомъ отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другіе были едва прикрыты нѣсколькими лопатками земли. Страшная неопрятность еще болѣе заражала воздухъ. Невозможно описать положенія, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардировкою. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, пронизанные ядрами или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлые кварталы, обращенные въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь, остановясь передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ,

угнетенномъ полу-луніемъ храмѣ, имѣло что-то неописуемо поразительное.

Государю хотѣлось самому все увидѣть и всѣмъ распорядиться. Онъ опредѣлилъ мѣста для госпиталей и магазиновъ; указалъ нужныя исправленія и улучшенія въ городскихъ укрѣпленіяхъ; назначилъ коменданта и число войскъ для гарнизона.

Въ тотъ же день, еще до разсвѣта, Омеръ-паша снялъ свой лагерь и поспѣшилъ такимъ ускореннымъ маршемъ перейти черезъ рѣку Камчикъ, что наши войска, пустившись въ погоню за нимъ съ первыми лучами солнца, могли только уже застигнуть и сбросить въ рѣку его авангардъ. Вся дорога была усѣяна обозными повозками и припасами этого корпуса.

На другое утро государь всѣ свободныя войска собралъ передъ Варною и подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи турокъ, велѣлъ отслужить торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Вся полевая артиллерія и всѣ орудія съ кораблей прогремѣли заключеніе длинной и кровавой драмы за взятіе Варны.

Уже наступилъ октябрь съ его дождями и бурями. Худое состояніе дорогъ со всѣми присоединявшимися къ тому трудностями отъ опустошенія края, отъ безпрестанной подвижности дѣятельнаго непріятеля и отъ совершеннаго недостатка въ средствахъ къ защитѣ противъ непогодъ, постоянно заставляли думать о зимнихъ квартирахъ и о занятіи укрѣпленной линіи по ту сторону Дуная, для охраненія всего нами завоеваннаго и для обезпеченія дѣйствій въ будущую кампанію.

Было рѣшено: обсерваціонному корпусу, находившемуся подъ Шумлою, отступить за Дунай, частію черезъ Сатуновскій мостъ, частію со стороны Силистріи, которою надѣялись еще овладѣть до покрытія рѣки льдомъ; гвардейскому корпусу, перейдя также Дунай, занять кантониръ-квартиры въ окрестностяхъ Тульчина; въ Варнѣ оставить сильный гарнизонъ и, для его подкрѣпленія, занять отрядами войскъ: Праводы, Базарджикъ, Кистенджи и маленькія крѣпостцы вдоль Дуная; наконецъ, главной квартирѣ арміи расположиться на зиму въ Бухарестѣ.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія и осыпавъ наградами генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ (мнѣ пожалована была 1-я степень

Владиміра), государь простился съ арміею и флотомъ. Намѣреніе его было ѣхать сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и въ особенности я склонили его отправиться моремъ.

3-го октября, при попутномъ вѣтрѣ, мы отплыли на прекрасномъ линейномъ кораблѣ «Императрица Марія».

Въ общей сложности результатъ этой кампаніи былъ слѣдующій. Въ наши руки достались:

Въ Европейской Турціи: Молдавія, Большая и Малая Валахія, значительная часть Болгаріи, 8 крѣпостей, 957 пушекъ, 180 знаменъ, 9 пашей и слишкомъ 22.000 военноплѣнныхъ.

Въ Азіатской Турціи: 6 крѣпостей, 3 укрѣпленія, 313 пушекъ, 195 знаменъ, 8 пашей и свыше 8.000 плѣнныхъ.

Графъ Паскевичъ покрылъ себя неувядаемыми лаврами, и войска наши поддержали издревле заслуженную ими боевую славу.

Но болѣзни, холода и походъ по опустошенной странѣ жестоко разрѣдили ряды войскъ. Кавалерія потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Артиллерія хотя и менѣе пострадала, но также не могла болѣе держаться въ полѣ. Всѣ части арміи были крайне разстроены. Благодаря Богу, непріятель не съумѣлъ воспользоваться нашимъ печальнымъ положеніемъ и, не тревожа своими нападеніями, допустилъ насъ спокойно перейти за Дунай и расположиться на зимнихъ квартирахъ.

Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизань-мачту, повредило и другія, и порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупреждать, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Потоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было разслышать другъ друга, иначе какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому, еще и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже

уклонялся въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса, слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, по-всегдашнему твердый и снисходительный, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 14-му октября, т. е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти-часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направленіе, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ по крайней мѣрѣ не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всѣмъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя; главнѣйшія поврежденія были, по возможности, исправлены, и корабль сталъ слушаться руля. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи. Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать всякаго несчастія, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду.

Погода была ужасная. Несмотря на холодный пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шлюпку, которая отвезла его къ одесской пристани.

Онъ явился въ домъ графа Воронцова, къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его, въ такую бурю, моремъ и, слѣдственно, о грозившей ему опасности, привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря, за извѣстіями о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армію и флотъ; послѣдній при всей удобности своей стоянки, довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени и, въ 4 часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣ-

щали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ, и хотя мы только-что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастіе.

Мы выѣхали 8-го октября, чтобы поспѣть въ Петербургъ къ 14-му; нельзя было терять ни одной минуты. Ночи стояли чрезвычайно темныя; осенніе дожди испортили дорогу, а лошадей заказывалъ фельдъегерь, опережавшій насъ всего нѣсколькими лишь часами. Со всѣмъ тѣмъ, мы прискакали въ Царское Село, правда, измученные и полузамерзшіе, 14-го числа утромъ. Государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ Петербургъ именно въ то время, когда обѣ императрицы, со всѣмъ дворомъ, будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но когда мы подъѣзжали, почти украдкою, со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергадскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ-подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура!» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему навстрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстію объ опасной болѣзни императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Безпрестанная тревога во время минувшей кампаніи и радость при полученіи извѣстія о взятіи Варны разстроили ея нервы, а колебаніе медиковъ, не пустившихъ ей своевременно кровь, повергли добродѣтельную нашу старушку на ложе, съ котораго ей уже не суждено было болѣе встать. Хотя крѣпкое сложеніе, предохранявшее ее дотолѣ почти отъ всякихъ недуговъ, удаляло еще и въ эту минуту мысль о возможномъ прекращеніи ея прекрасной и полезной жизни, однако и дворъ, и весь городъ начинали сильно безпокоиться, и дворецъ безпрестанно былъ наполненъ приходившими съ участіемъ узнавать о состояніи ея здоровья. Больная изъявила милостивое желаніе увидѣть меня; но врачи, опасаясь разговора, который могъ бы ее встревожить, со дня на день отлагали это свиданіе, подъ предлогомъ слишкомъ большой усталости моей отъ дороги.

Вскорѣ императрица сама почувствовала приближеніе своей кончины. Она пригласила своего духовника и приготовилась къ переходу въ другой міръ, со всѣмъ спокойствіемъ и упованіемъ чистой и возвышенной души. Собравъ вокругъ себя дѣтей и внучатъ, она всѣхъ благословила и кончила свою блаженную жизнь 24-го октября 1828 года.

Государь, императрица, даже наслѣдникъ, въ то время еще почти ребенокъ, горько оплакали усопшую. Вельможи и мелкіе чиновники, богатые и бѣдные, весь Петербургъ, вся Россія соединили съ ихъ слезами свои.

Марія Ѳеодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей. Стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ, вдовамъ и сирымъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣскольку часовъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣтивъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначащія. Она была рабою того, что называла своимъ долгомъ.

Науки и художества всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволительную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась рукодѣліемъ и между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворцѣ многолюдныя общества въ театры и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои

занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца, или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

Смертное ложе императрицы Маріи Ѳедоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на поклоненіе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищіе—все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя!

По полученіи вѣсти о ея кончинѣ, прибыли въ Петербургъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ изъ Варшавы и вел. кн. Михаилъ Павловичъ изъ Тульчина.

Мрачное безмолвіе и слезы сопровождали печальную колесницу, везшую тѣло опочившей въ Петропавловскій соборъ, гдѣ она должна была лечь вмѣстѣ съ супругомъ и старшимъ сыномъ.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I въ 1828—1829 г.г

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) [1].

II.

1829 годъ.

Убійство Грибоѣдова въ Тегеранѣ.—Положеніе цесаревича Константина Павловича въ Польшѣ. — Объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ. — Поѣздка императора Николая въ Варшаву для коронаціи. — Благосостояніе царства Польскаго.—Въѣздъ императора Николая въ Варшаву.—Коронація.— Поѣздка государя въ Берлинъ.—Дипломатическіе переговоры генералъ-адъютанта Бенкендорфа съ прусскимъ министромъ графомъ Бернсдорфомъ.—Извѣстіе о Кулевчинской побѣдѣ.—Путешествіе государя изъ Варшавы въ Кіевъ.— Пребываніе государя въ Тульчинѣ.—Пребываніе государя въ Кіевѣ.—Крѣпость Бобруйскъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Военныя поселенія.—Адріанопольскій миръ.—Хозревъ-Мирза въ Петербургѣ.—Благодарственный молебенъ на Царицынномъ лугу послѣ окончанія турецкой войны.—Болѣзнь императора Николая. — Извѣстіе объ англійскомъ фрегатѣ, вошедшемъ въ Севастополь, сообщенное графомъ Толстымъ государю во время его болѣзни. — Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ.

Можно представить себѣ, что слѣдовавшая за симъ печальнымъ событіемъ зима была не изъ веселыхъ. Балы и театры прекратились; ихъ мѣсто заняли приготовленія ко второй кампаніи и политическія сплетни. Европейскимъ державамъ, всегда завидующимъ Россіи, крайне непріятна была наша война съ Турціею, и онѣ, предусматривая неминуемое пораженіе послѣдней, опасались, съ тѣмъ вмѣстѣ, новаго усиленія нашего могущества. Молодой монархъ, увлеченный на поприще войны и побѣдъ, не могъ, по мнѣнію этихъ

[1]) См. «Русск. Старину». іюнь 1896 г.

кабинетовъ, не потрясти системы европейскаго равновѣсія. Англія страшилась за свою торговлю на Средиземномъ морѣ; Франція, считая обязанностію оградить султана, стариннаго своего союзника, отъ вторженій Россіи, ограничивалась, впрочемъ, одними происками, заставляя дѣйствовать другіе кабинеты; наконецъ, Австрія, по своему сосѣдству съ Турціею, болѣе всѣхъ заинтересованная ея дѣлами, представляя себѣ Валахію и Молдавію уже русскими областями, тревожилась, участливо предлагала свое посредничество, молила Бога объ успѣхѣ турецкаго оружія и возбуждала противъ насъ недовѣріе берлинскаго двора. Всѣ заботливо ждали исхода войны и кричали противъ честолюбія императора Николая, не отваживаясь однако явно поднять забрала.

Государь, съ своей стороны, при увѣренности въ правотѣ дѣла и при твердой рѣшимости не употребить во зло побѣды, отклонилъ всѣ, такъ называемыя, услуги иностранной дипломатіи и дѣятельно готовился къ новой кампаніи.

Потери лошадей въ кавалеріи и артиллеріи были вскорѣ пополнены, а полки, приведенные утомленіемъ, болѣзнями и, наконецъ, чумою въ кадровый составъ, укомплектованы изъ резервныхъ батальоновъ.

Чума въ особенности свирѣпствовала въ Варнскомъ гарнизонѣ. Командовавшій имъ генералъ Головинъ былъ вынужденъ вывести войска за городъ и расположить ихъ лагеремъ въ окрестныхъ садахъ. Были полки, въ которыхъ на лицо оставалось не болѣе ста человѣкъ. Головинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ примѣчательною распорядительностью, а добрые и покорные наши солдаты выказали, самымъ блестящимъ образомъ, свою терпѣливость и преданность. На сторожѣ отъ непріятеля, въ разрушенномъ городѣ, нуждаясь часто въ необходимѣйшемъ для жизни, поражаемые заразою, они ни единожды не позволили себѣ какого-нибудь ропота, и служба шла тѣмъ же порядкомъ и съ тою же дисциплиною, какъ бы гарнизонъ находился въ отличнѣйшемъ благосостояніи.

Графъ Витгенштейнъ былъ слишкомъ старъ для веденія новой кампаніи, и потому явилась необходимость замѣстить его другимъ главнокомандующимъ, и вмѣсто него назначенъ былъ графъ Дибичъ.

Въ это самое время одно, столько же неожиданное, сколько и

плачевное событіе прибавило еще новую помѣху нашему правительству. Г-нъ Грибоѣдовъ, посланникъ нашъ въ Персіи, человѣкъ умный, но можетъ быть не довольно осторожный, возбудилъ противъ себя умы тегеранскихъ жителей, которыхъ недавній, уничижительный миръ еще болѣе предрасположилъ противъ Россіи. Онъ пренебрегалъ общественнымъ ихъ мнѣніемъ, которое ждало только случая, чтобы вспыхнуть. Бездѣльная ссора между нѣсколькими персіянами и прислугою Грибоѣдова дала къ тому поводъ. Народъ выломалъ двери въ домѣ нашего посланника, и какъ самъ онъ, такъ и бо́льшая часть его чиновниковъ и служителей, пали жертвою разъяренной черни. Ихъ безчеловѣчно умертвили, прежде чѣмъ подоспѣла помощь отъ правительства, испуганнаго этимъ неслыханнымъ происшествіемъ. Раздраженный шахъ тотчасъ арестовалъ и наказалъ виновныхъ; но такое жестокое оскорбленіе не могло не угрожать разрывомъ едва лишь возстановленнаго мира, а продолжительность времени, необходимаго для соглашенія между Петербургомъ и Тегераномъ, оставляла надолго въ сомнѣніи вопросъ, какой ходъ приметъ это дѣло.

Въ это же время интересы, хотя совсѣмъ инаго рода, но не менѣе важные, обращали вниманіе государя на Варшаву.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, командовавшій русскими и польскими войсками въ Царствѣ Польскомъ и мало-по-малу сосредоточившій въ своихъ рукахъ управленіе и гражданскою частью, не умѣлъ стяжать народной любви. Подъ его начальствомъ состоялъ также и корпусъ, квартировавшій въ Литвѣ и носившій, какъ бы въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, означавшихся нумерами, именованіе Литовскаго. Всѣ возвращенныя отъ Польши губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская и область Бѣлостокская состояли равномѣрно подъ управленіемъ цесаревича и вѣдались имъ на военную ногу. Эта централизація всего, принадлежавшаго нѣкогда Польшѣ; либеральная конституція, пожалованная Царству; польскіе малиновые воротники, вмѣсто красныхъ, на мундирахъ Литовскаго корпуса,—все это, вмѣстѣ взятое, было, конечно, большою политическою ошибкою со стороны императора Александра, который далъ полякамъ, въ противоположность намѣреніямъ и дѣйствіямъ императрицы Екатерины, надежду

на возстановленіе ихъ самостоятельности и огорчилъ чрезъ то русскихъ.

Императоръ Николай ясно понималъ неудобство такого порядка вещей, но въ то же время чувствовалъ и всѣ трудности выйти изъ него. Первая заключалась въ необходимости измѣнить личное положеніе старшаго его брата, имѣвшаго въ супружествѣ польку, влюбленнаго во ввѣренныя его начальству войска и благопріятствовавшаго желанію поляковъ присоединить къ Царству Польскому прочія одноплеменныя съ ними губерніи, уже столь давно находившіяся подъ русскою державою. Второю трудностью представлялось ниспроверженіе устройства, созданнаго императоромъ Александромъ. Преемникъ отказался бы, чрезъ то, отъ наслѣдственнаго имени освободителя и благодѣтеля Польши, вооружилъ бы противъ себя милліоны поляковъ, еще болѣе напугалъ бы Европу, уже безъ того устрашенную его могуществомъ, и, наконецъ, жестоко огорчилъ бы цесаревича, который, относя всю ввѣренную ему власть къ волѣ покойнаго императора, почелъ бы вопіющимъ неправосудіемъ отнятіе у него этой власти братомъ, которому онъ уступилъ престолъ.

Поляки, крайне недовольные управленіемъ цесаревича и уже начинавшіе постепенно забывать благодѣянія Александра, съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ждали рѣшенія своей судьбы отъ новаго императора. Носились слухи, что онъ не жалуетъ поляковъ и негодуетъ на данныя имъ привилегіи; что въ характерѣ его преобладаетъ строгость, и что онъ никогда не согласится на присоединеніе къ Царству прежнихъ польскихъ областей. Никто почти еще не зналъ его, и всѣ колебались между страхомъ и надеждою.

Государь долгое время зрѣло соображалъ и обдумывалъ всѣ трудности своего положенія въ отношеніи къ цесаревичу, къ многочисленнымъ польскимъ своимъ подданнымъ, къ обязанностямъ своимъ касательно Россіи и къ той дани уваженія, которую налагала на него память его предшественника.

Онъ призналъ необходимымъ удостовѣриться во всемъ лично и, пользуясь одною изъ статей конституціонной хартіи, рѣшился ѣхать въ Варшаву для коронованія себя тамъ царемъ польскимъ.

Слухъ о томъ оживилъ новыми надеждами жителей возвращенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ.

Еще во время предшедшей кампаніи, государь, въ намѣреніи болѣе сблизить между собою обѣ націи и въ особенности ихъ войска, убѣдительно просилъ цесаревича прислать въ Задунайскую армію часть польской,—отвѣтъ Константина Павловича, въ которомъ онъ изъявлялъ на то свое согласіе, неописуемо обрадовалъ государя. Но уже въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ цесаревичъ выставилъ опять всѣ трудности привести въ исполненіе мысль государя, настаивая въ особенности на томъ, какъ больно было бы для его чести отпустить въ бой сформированныя имъ войска, безъ возможности раздѣлить самому предстоящія имъ опасности. Эта фраза, прельстивъ благородное сердце государя, положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ его настояніямъ.

Все было готово къ нашей поѣздкѣ. 22-го апрѣля государь отправился сперва въ Динабургъ, куда, два дня спустя, пріѣхала и императрица.

Работы по возведенію Динабургскихъ укрѣпленій значительно подвинулись впередъ и производились съ совершенствомъ, заслужившимъ полное одобреніе государя.

Оттуда императрица продолжала свой путь прямо на Варшаву, а мы поѣхали въ Вильну, куда прибыли ночью, при свѣтѣ нѣсколькихъ плошекъ, догоравшихъ отъ иллюминаціи, зажженой жителями вечеромъ, для встрѣчи новаго ихъ монарха.

Государь остановился во дворцѣ, который съ ранняго утра обступила многолюдная толпа. Посѣтивъ сначала русскій соборъ, его величество присутствовалъ потомъ на разводѣ одного изъ батальоновъ Литовскаго корпуса. Вся площадь и всѣ ведущія къ ней улицы были полны народомъ, жаждавшимъ, казалось, его видѣть, и на всѣхъ лицахъ сіяли радость и довѣріе. Государь осмотрѣлъ въ подробности университетъ и больницы и вездѣ остался доволенъ найденнымъ порядкомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы уже были въ Гроднѣ, и здѣсь государь присутствовалъ на разводѣ и осмотрѣлъ всѣ общественныя заведенія; и здѣсь, такъ же какъ и въ Вильнѣ, народъ всюду стремился къ нему навстрѣчу.

Къ ночи мы пріѣхали въ Бѣлостокъ и остановились въ прекрасномъ дворцѣ, бывшемъ нѣкогда жилищемъ сестры послѣдняго

короля польскаго, гдѣ ожидалъ государя командиръ Литовскаго корпуса баронъ Розенъ. Переночевавъ здѣсь, еще впервые съ Динабурга не въ коляскѣ, мы утромъ пустились къ Тыкочину, лежащему на границѣ имперіи съ Царствомъ Польскимъ.

Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ, однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, изъѣзжанныя мною верхомъ, съ небольшимъ за 20 лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему по дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда, съ самаго выѣзда изъ Бѣлостока, насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе! Точно такъ-же измѣнилась мѣстность передъ Тыкочиномъ. Движущагося моста, топкой плотины, уже не было; самое мѣстечко приняло видъ опрятности и довольства; все преобразилось: край, самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовыя дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, наполненныя чужеземными мастеровыми, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое правительство можетъ достигнуть развѣ съ усиліемъ въ пол-вѣка, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ 15 лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была, очевидностью, воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ, въ разговорѣ съ государемъ, не перенестись воображеніемъ къ тому, что было 23 года тому назадъ и что съ тѣхъ поръ произошло.

Тогда Наполеонъ, торжествующій въ Варшавѣ и угрожающій Россіи; поляки, обольщенные мечтами о своемъ возрожденіи; наши войска, возвращающіяся къ своимъ границамъ, въ утомленіи и унынія. А теперь?—Наполеонъ, уже давно перешедшій въ область исторіи; Парижъ, видѣвшій наши побѣдоносныя знамена; поляки—русскіе подданные и обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я—въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого императора, царя той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ гра-

ницъ! Мы философствовали объ этихъ міровыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади, для принятія назначеннаго къ государю почетнаго караула.

Спустя нѣсколько минутъ пріѣхала императрица, и мы, переночевавъ въ Пултускѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву.

Въ Яблонѣ, хорошенькомъ имѣніи князя Понятовскаго за 14 верстъ отъ Варшавы, ожидали насъ обѣдъ и — цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ почетнымъ рапортомъ. Княгиня Ловичъ прибыла вслѣдъ затѣмъ, и оба брата съ своими супругами провели вмѣстѣ остатокъ дня съ видомъ самой сердечной другъ къ другу пріязни.

Я въ тотъ же вечеръ отправился въ Варшаву, для нѣкоторыхъ распоряженій къ торжеству слѣдующаго дня.

Всѣ войска, русскія и польскія, стали подъ ружье уже съ ранняго утра: кавалерія по ту сторону Вислы, а пѣхота — вдоль тѣхъ улицъ, по которымъ должна была слѣдовать императорская чета. Чтобы показать городъ на большемъ протяженіи и вмѣстѣ для избѣжанія крутаго подъема съ Прагскаго моста, ниже его былъ устроенъ, нарочно для этой церемоніи, еще другой. Все населеніе польской столицы и множество прибывшихъ къ этому дню иностранцевъ и поселянъ заняло всѣ окна, балконы и улицы. Яркое солнце сіяло надъ городомъ и его окрестностями, уже убравшимися въ весеннюю зелень и цвѣты.

Передъ въѣздомъ на мостъ цесаревичъ и вся государева свита сѣли на лошадей. Мнѣ впервые случилось тутъ увидѣть войска, состоявшія подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича. Ихъ выправка, обмундировка и выборъ людей и лошадей были истинно великолѣпны. Русскіе полки — два пѣхотные и три кавалерійскіе — находились въ однѣхъ и тѣхъ же дивизіяхъ съ польскими. Видъ ихъ былъ одинаковъ, и по внѣшности между войсками обѣихъ націй царствовало полное сліяніе.

Цесаревичъ проѣхалъ со мною вдоль фронта первыхъ кавалерійскихъ полковъ; при похвалахъ моихъ блестящей ихъ выправкѣ, на лицѣ его выразилось очевидное удовольствіе. У перваго взвода

л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка онъ представилъ мнѣ поручика Александрова.

Наконецъ, показались кареты, везшія государя, императрицу и наслѣдника.

Они остановились у Прагской заставы, въ небольшомъ домикѣ, гдѣ ожидали ихъ высшіе придворные сановники и парадные экипажи и гдѣ императрица переодѣлась. Государь сѣлъ на лошадь—и шествіе тронулось.

Войско, еще впервые видѣвшее своего молодаго и прекраснаго императора, привѣтствовало его обычнымъ «ура!» Я внимательно наблюдалъ за выраженіемъ лицъ солдатъ. Казалось, всѣ, и поляки и русскіе, радостно смотрѣли на государя и одинаково одушевлялись желаніемъ заслужить его удовольствіе.

Въ ту минуту, какъ государь со всею свитою въѣхалъ на мостъ, лошадь цесаревича вдругъ повернула назадъ и, при всѣхъ усиліяхъ всадника, никакъ не хотѣла его слушаться. Взбѣшенный великій князь принужденъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и частью по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь, въ замѣнъ той, которая, ходивъ подъ нимъ нѣсколько лѣтъ, теперь впервые заупрямилась. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ, съ опущенною шпагою, цесаревичъ, отъ этой непріятной случайности, потерялъ все удовольствіе, обѣщанное имъ себѣ отъ блестящаго положенія, въ которомъ онъ думалъ представить свои войска. Черты его лица совершенно измѣнились, и привычные къ его вспышкамъ подчиненные легко могли угадать, что̀ ихъ ожидаетъ.

Эта нечаянность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на всю церемонію и, болѣе или менѣе, всѣхъ поразила.

Войско и народъ продолжали встрѣчать государя радостными кликами; дамы у оконъ и на балконахъ махали платками и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ безподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности вѣрнаго своему монарху народа. Такимъ сей послѣдній намъ предста-

вился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ относительно массы.

Государь остановился передъ римско-католическимъ соборомъ и принялъ тутъ отъ привѣтствовавшаго его духовенства святую воду, къ общему восхищенію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій дворецъ, онъ остановился чтобы подождать императрицу и принять ее изъ кареты. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили ее внизу лѣстницы.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей; единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро государь присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ его прибытія.

Цесаревичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился какъ бы простой генералъ, устрашенный высочайшимъ присутствіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній.

По наружности между обоими братьями царствовало величайшее согласіе, и государь прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать. Но пребываніе его тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе столькихъ лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему надлежало, по крайней мѣрѣ по виду, давать примѣръ покорности. Зная, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластныхъ дѣйствій и противъ его насильственной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ его наперсниковъ также боялись подпасть отвѣтственности, между тѣмъ какъ поляки, полные надеждъ, ожидали перемѣны и въ особенности ограниченія власти великаго князя. Все это крайне затрудняло государя. Идти среднимъ путемъ между сими крайностями казалось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ, котораго самъ онъ призналъ своимъ монархомъ и который уступилъ ему престолъ,

или, предпочтеніемъ братскихъ связей благосостоянію края, упасть навсегда въ мнѣніи польскихъ своихъ подданныхъ.

Государь умѣлъ, конечно лишь временно, выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостію въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію и финансамъ царства. Такъ, напр., государь велѣлъ, чтобы въ составъ Литовскаго корпуса поступали впредь рекруты изъ внутреннихъ губерній, а цесаревичъ всемѣрно старался выхлопотать отмѣну сего порядка, съ возстановленіемъ того, какъ было при Александрѣ, т. е. чтобы упомянутый корпусъ наполнялся исключительно людьми изъ губерній, возвращенныхъ отъ Польши. Какъ онъ лично, такъ и окружавшіе его, предпринимали все, чтобы достигнуть этой цѣли, но государь настоялъ на своемъ, и цесаревичъ принужденъ былъ скрыть свою досаду.

Въ доказательство того, что обѣ страны находятся подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ, государь велѣлъ привезти изъ Петербурга императорскую корону.

Въ назначенный для коронаціи день дворцовыя залы наполнились приглашенными сановниками и дамами; войска стали отъ дворца до римско-католическаго собора; улицы, балконы и даже кровли покрылись зрителями.

Императорская чета съ наслѣдникомъ, обоими великими князьями и всею военною свитою, въ предшествіи двора, вступила въ тронную залу королей польскихъ. Вокругъ залы помѣстились министры, сенаторы, прелаты и нунціи.

Государь на ступеняхъ трона, подъ королевскимъ балдахиномъ, возложивъ на себя корону, произнесъ присягу передъ распятіемъ. Въ выраженіи его голоса было столько величественности и правды, что всѣхъ предстоящихъ объяло глубокое умиленіе.

Потомъ царь съ царицею слѣдовали пѣшкомъ къ собору, среди восторженныхъ криковъ толпы.

Въ соборѣ, подъ древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почесть вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не

ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ царѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ современемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ.

Возвратясь во внутреннія комнаты дворца, государь прислалъ за мною. При видѣ моего душевнаго смущенія, онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостію свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли.

Послѣ церемоніи былъ во дворцѣ банкетный столъ.

Этотъ день ознаменовался немалыми милостями, между прочимъ и пожалованіемъ князя Адама Чарторижскаго въ оберъ-камергеры, что̀ нѣсколько огорчило тщеславнаго князя, постоянно мечтавшаго носить тутулъ царскаго намѣстника.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть между нунціями; жалуясь на жестокую грубость цесаревича и превознося привѣтливость новаго ихъ царя, они отзывались, что охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію, со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею.

За церемоніею слѣдовали иллюминаціи, балы, театры и большіе смотры.

Въ Варшаву прибылъ братъ императрицы принцъ Вильгельмъ. Король прусскій, съ своей стороны, намѣревался пріѣхать въ одинъ изъ принадлежащихъ ему замковъ въ Силезіи, для принятія тамъ августѣйшей дочери и внука. Все уже было и приготовлено къ этому свиданію, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что здоровье короля не позволяетъ ему пуститься въ путь. Государь въ ту же минуту рѣшился самъ ѣхать въ Берлинъ; но, для полнаго сюрприза своему тестю, запретилъ мнѣ кому бы то ни было о томъ говорить.

Императрица уѣхала впередъ, а государь со мною отправился двумя днями позже. Кромѣ меня, при немъ были только фельдъегерь, скакавшій впередъ для заготовленія лошадей на мое имя, и графъ Орловъ. Мы пролетѣли не останавливаясь, черезъ Калишъ и Бреславль, до Грюнберга, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ для импе-

ратрицы. Въ ту минуту, какъ ея карета остановилась у приготовленнаго для нея дома, государь отворилъ дверцы и, къ большому удивленію всѣхъ окружавшихъ, которые все еще воображали, что тутъ лишь одинъ я, принялъ императрицу въ свои объятія. Весь городокъ огласился виватами, и вѣсть о неожиданномъ никѣмъ присутствіи тутъ императора Николая произвела настоящій театральный эффектъ. Мы весело отъужинали и рано утромъ сѣли снова въ коляску, принявъ всѣ нужныя мѣры, чтобы эта вѣсть насъ не опередила.

У въѣзда во Франкфуртъ на Одерѣ лошади наши должны были идти почти шагомъ посреди толпы, скопившейся окрестъ и возлѣ дома, отведеннаго для обѣда императрицы. Навстрѣчу ей пріѣхали изъ Берлина наслѣдный принцъ, съ двумя своими братьями. Наша коляска, медленно подвигаясь черезъ массу народа, остановилась, наконецъ, у подъѣзда гостиницы. Одинъ изъ принцевъ въ окошко узналъ государя, и всѣ трое, выбѣжавъ на улицу, бросились обнимать его. Нельзя довольно описать восторга ихъ и всего населенія, офицеровъ и солдатъ, при этой нечаянной встрѣчѣ!

Императрица пріѣхала получасомъ позже, и радость принцевъ и народа вновь выразилась съ тою же живостію.

Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ отправились въ Берлинъ.

Король, съ остальными членами своего семейства, ожидалъ августѣйшую свою дочь въ одномъ маленькомъ загородномъ домѣ. Пріѣздъ императора и наслѣдника былъ и для него радостнымъ сюрпризомъ. Вѣсть объ этомъ вскорѣ достигла Берлина, и весь городъ поднялся на ноги и побѣжалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастіе. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностію его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола.

Остановясь, въ первую минуту, въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполнѣ судить о радостномъ чувствѣ,

объявшемъ всѣхъ жителей города, до нижнихъ сословій. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки.

Король, желая показать своему августѣйшему зятю берлинскій гарнизонъ, назначилъ большой парадъ, подъ липами, передъ малымъ своимъ дворцомъ. Онъ самъ ѣхалъ впереди фронта и отдалъ честь нашему императору. Собравшійся густыми толпами народъ любовался красотою отца и сына, который находился верхомъ, съ принцами и генералами, въ царственной свитѣ.

Король, имѣвшій привычку проводить вечера свои всегда въ театрѣ, повезъ туда и нашу императорскую чету, которую публика приняла съ безконечными рукоплесканіями. Между прочими пьесами дали однажды и «Нѣмую изъ Портичи» (Фенеллу), восхищавшую въ то время всю Европу своею музыкою, но революціонныя сцены которой испугали бы, даже на театрѣ, всякое другое монархическое правительство кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

Король возилъ также своихъ гостей въ Потсдамъ и Шарлотенбургъ, и всѣ были въ постоянномъ движеніи.

Сверхъ того, во время нашего пребыванія въ Берлинѣ, праздновалось бракосочетаніе принца Вильгельма съ принцессою Веймарскою, младшею дочерью великой княгини Маріи Павловны.

Государю нельзя было оставаться въ Берлинѣ долѣе 6-ти дней, почему, желая представить въ настоящемъ свѣтѣ прусскому кабинету турецкій вопросъ, столь живо и почти исключительно занимавшій тогда европейскую дипломатію, онъ велѣлъ мнѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ графомъ Бернсдорфомъ, который, по случаю мучительной болѣзни, принужденъ былъ сидѣть дома. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ казался чрезвычайно испуганнымъ честолюбивыми видами, которые и онъ и прочіе кабинеты силились приписать императору Николаю. Онъ предвидѣлъ вѣроятность паденія Оттоманской имперіи, и положительное отклоненіе мною всякаго иностраннаго посредничества еще болѣе утвердило его въ этихъ мысляхъ.

Перечисливъ всѣ, уже извѣстныя причины нашей войны, возбужденной самою Портою, и неизбѣжность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, столь всегда умѣренный въ своихъ требованіяхъ, я развилъ Бернсдорфу старанія къ сохраненію мира, употребленныя съ нашей стороны при Аккерманскихъ переговорахъ, и представилъ ему, что настойчивость государя продолжать начатую войну съ усугубленною еще дѣятельностію должно приписать препятствіямъ, полагаемымъ ему европейскими кабинетами,—и надеждамъ, которыя они подаютъ Дивану на ихъ посредничество; что если предстоящая кампанія не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, горящая желаніемъ показать свѣту, что она не страшится ничьихъ угрозъ и, для славы нашего оружія и молодаго нашего монарха, готова всѣмъ пожертвовать; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ его безсиліи и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы, вѣрно, оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію?— возразилъ Бернсдорфъ.

Я отвѣчалъ, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній.

Я продолжалъ далѣе, что прибытіе наше въ Берлинъ даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя роль миротворца.

— Тестю,—сказалъ я,—прилично завести въ Константинополѣ рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренныя и справедливыя требованія ему вполнѣ извѣстны, и доброму своему

союзнику — султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненія мира.

Эта мысль понравилась прусскому министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣритъ въ искренность моихъ словъ и въ желаніе государя окончить дружественно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Какъ нашъ государь, такъ и король остались довольны этимъ объясненіемъ, и было рѣшено немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами генерала Мюфлинга.

По минованіи предназначенныхъ шести дней, которыя были для государя отдохновеніемъ и истинною отрадою, онъ отправился обратно въ Варшаву, а императрица осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Близъ Бреславля государь остановился переночевать въ маленькомъ замкѣ «Sybillenort»[1]), чтобы на слѣдующее утро сдѣлать смотръ прусскому кирасирскому полку его имени, пришедшему для этого, по повелѣнію короля, довольно издалека.

Государь, въ мундирѣ этого полка, училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому воинскому уставу, ни единожды не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и порадоваться. Потомъ его величество провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро одѣлилъ червонцами.

При въѣздѣ въ Царство Польское, государь остановился въ Калишѣ, для осмотра тамошняго кадетскаго корпуса и 2-го польскаго Конно-Егерскаго полка.

Потомъ мы останавливались, для подобнаго же осмотра, еще въ Ловичѣ, откуда поѣхали уже прямо въ Варшаву: государь съ

---

[1]) Названіе замка вставлено рукою императора Александра II.

выѣхавшимъ ему навстрѣчу цесаревичемъ, а я съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, государь былъ обрадованъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ при К у л е в ч ѣ.

На слѣдующее утро это радостное событіе было праздновано посреди всѣхъ войскъ, собранныхъ на Позвонковскомъ полѣ, торжественнымъ молебствіемъ, совершеннымъ подъ двумя великолѣпными палатками, изъ которыхъ одна была раскинута для православнаго, а другая для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебна, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не желавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура».

13-го іюня мы отправились обратно въ Россію. По пути государь пробылъ цѣлыя сутки въ небольшой крѣпости Замосцѣ, основанной въ мѣстечкѣ, купленномъ съ этою цѣлью императоромъ Александромъ у фамиліи Замойскихъ. Крѣпостныя работы, еще не совсѣмъ оконченныя, но уже доведенныя до такой степени, что могли выдержать осаду, совершенно удовлетворили государя, который благодарилъ за нихъ какъ инженеровъ, такъ равно цесаревича, особенно дѣятельно занимавшагося симъ дѣломъ.

Въ Ломжѣ государь, по осмотрѣ расположенной тамъ дивизіи Литовскаго корпуса, простился съ цесаревичемъ и послѣ того проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ палатку свою раскинутою въ лагерѣ Гвардейскаго корпуса, съ которымъ мы разстались въ прошломъ году, передъ Варною. Войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ.

Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тульчина (собственности графовъ Потоцкихъ). Пребываніе здѣсь было для всѣхъ насъ настоящимъ празд-

никомъ. Государь любовался своимъ войскомъ, и на общихъ парадахъ, и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ, и остался имъ вполнѣ доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи его изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли: здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставлялъ ничего желать.

Проведя три дня съ Гвардейскимъ корпусомъ и съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, его командиромъ, мы поѣхали въ Кіевъ, куда прибыли въ тотъ же день подъ вечеръ, измученные нестерпимымъ зноемъ и пылью. Государь впервые еще посѣщалъ эту древнюю колыбель русскаго православія. Онъ остановился у воротъ Печерской лавры, гдѣ ожидалъ его митрополитъ съ духовевствомъ и всею монастырскою братіею. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекающихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду. Древній соборный храмъ вмѣщалъ въ себѣ столько чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, городскихъ дамъ и проч., сколько могло въ него вмѣститься.

Выйдя изъ монастыря, государь взялъ къ себѣ въ коляску стараго и почтеннаго фельдмаршала Сакена и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, и потомъ уже поѣхалъ въ приготовленное для себя помѣщеніе.

На слѣдующее утро, осмотрѣвъ резервные батальоны и другія, находившіяся въ Кіевѣ войска, государь снова посѣтилъ Лавру, для поклоненія святымъ мощамъ, почивающимъ въ ея пещерахъ. Онъ осмотрѣлъ также важнѣйшія городскія церкви. общественныя заведенія, арсеналъ, крѣпостныя работы и турецкихъ плѣнныхъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ участвовали въ этихъ работахъ; заботливо освѣдомился объ ихъ содержаніи и велѣлъ дать имъ денежное пособіе. На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему, при обычной его дѣятельности, довольно было двухъ дней, хотя въ тоже время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше 3-хъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ

безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвращались точно такъ же не замедлительно, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ удосуживался ежедневно писать очень подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Во время пребыванія нашего въ Кіевѣ было получено донесеніе о взятіи Силистріи.

Изъ Кіева отправились мы въ Ковелецъ, для осмотра стоявшихъ тамъ 3-й кирасирской и 4-й гусарской дивизій, и оттуда — въ Бобруйскъ.

Государь, до восшествія на престолъ, управлялъ нѣсколько лѣтъ, въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, работами этой крѣпости, и потому онъ очень любопытствовалъ увидѣть, на сколько онѣ подвинулись впередъ съ тѣхъ поръ, какъ высшія государственныя заботы не позволяли ему болѣе заниматься исключительно инженерною частью. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вникнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Я помнилъ эту крѣпость въ началѣ войны съ Наполеономъ: тогда она окружена была только песчаною насыпью въ видѣ вала; теперь Бобруйскъ обратился въ образцовую крѣпость, примѣчательную сколько прочностью ея построекъ, столько же и щеголеватостью всей отдѣлки.

И здѣсь, на крѣпостныхъ работахъ, находилось нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Государь явился среди нихъ совершенно одинъ и, разспросивъ объ ихъ нуждахъ, возвратилъ свободу нѣкоторымъ старикамъ, наиболѣе просившимся на родину.

Въ Бобруйскѣ привезли намъ цѣлый грузъ турецкихъ знаменъ, взятыхъ въ Силистріи и подъ Кулевчою. Государь велѣлъ помѣстить часть ихъ въ Бобруйской крѣпостной церкви, на память своего здѣсь пребыванія, а прочія отправить въ Петербургъ.

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, мы поѣхали черезъ Могилевъ, Витебскъ и Великія-Луки, не останавливаясь, въ Старую Русу, не задолго передъ тѣмъ причисленную къ Новгородскимъ военнымъ поселеніямъ.

Жители этого города—все люди торговые, которыхъ я думалъ найти въ большомъ унынiи отъ такой перемѣны въ ихъ положеніи, подчинявшей ихъ, нѣкоторымъ образомъ, военной дисциплинѣ, – встрѣтили, напротивъ, государя, у заставы съ выраженіями живѣйшаго восторга. Правда, что эта перемѣна имѣла для нихъ и свои выгоды. Казна возводила въ городѣ множество значительныхъ построекъ, отчего чрезвычайно оживилась торговля, и, кромѣ того, жителямъ предоставлены были нѣкоторыя особыя преимущества и уменьшены прежнія казенныя ихъ повинности.

До государя, прежде восшествія его на престолъ, столько доходило жалобъ и вопля на военныя поселенія, въ особенности же на Новгородскія, что онъ не могъ сомнѣваться въ необходимости измѣнить во многомъ это любимое установленіе императора Александра. Впрочемъ, чувствуя всѣ неудобства военныхъ поселеній, онъ не рѣшался, однако же, совсѣмъ ихъ уничтожить, имѣя въ виду огромность употребленныхъ на нихъ издержекъ и принесенную уже ими важную пользу, черезъ обработку невоздѣланныхъ дотолѣ земель. Слезъ крестьянъ, оторванныхъ военною дисциплиною отъ прежняго спокойнаго ихъ образа жизни, нельзя уже было воротить. Онѣ изсякли въ то же время, какъ исчезло проливавшее ихъ населеніе, съ мирными его жилищами. Огромныя казармы, подъ названіемъ деревень, великолѣпные экзерциргаузы, настоящіе дворцы для генераловъ и офицеровъ, чудесныя дороги и мосты, роскошные госпитали совершенно преобразили этотъ край. Вмѣсто крестьянъ явились двѣ дивизіи гренадеръ; въ школахъ дѣти готовились къ строю или къ канцелярскимъ обязанностямъ; все, словомъ, было превращено и устроено на совсѣмъ иную отъ прежняго ногу. Надлежало, слѣдственно, обратить, по возможности, въ пользу эти результаты непоколебимой воли императора Александра, поглотившей столько милліоновъ и трудъ столькихъ рукъ.

Государь уже сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ образованіи военныхъ поселеній и еще помышлялъ о другихъ, въ видахъ улуч-

шенія участи поселенія и смягченія жестокихъ и самоуправныхъ мѣръ графа Аракчеева. Онъ велѣлъ также перемѣнить, на будущее время, однообразную и непривычную для нашего крестьянина архитектуру этихъ, выравненныхъ въ строй домовъ, имѣшій весь скучный видъ казармъ, безъ ихъ простора и удобствъ. Сдѣланы были, наконецъ, перемѣны и въ устройствѣ школъ, которыя, какъ по объему преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, такъ и по содержанію воспитанниковъ, подходили къ кадетскимъ корпусамъ, будто бы какіе-нибудь разсадники будущихъ полководцевъ, тогда какъ назначеніе ихъ воспитанниковъ было—становиться подъ ружье наряду съ простыми солдатами.

13-го іюля мы прибыли, наконецъ, въ Красносельскій лагерь, гдѣ стояли гвардейскіе батальоны, не ушедшіе въ турецкій походъ, и вся 1-я кирасирская дивизія.

Осмотрѣвъ лагерь, государь снова сѣлъ въ коляску, и мы поскакали навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина. Государь имѣлъ удовольствіе обнять ее за двѣ станціи отъ Нарвы, откуда они и возвратились вмѣстѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ Турецкая война, по плану для кампаніи 1829 года, предначертанному самимъ государемъ, шла съ блестящимъ успѣхомъ. Побѣды Паскевича въ Азіатской Турціи, Кулевчинское пораженіе, занятіе Адріанополя и Эноса на Средиземномъ морѣ, наконецъ, блокада нашею эскадрою Дарданеллъ, и нашъ флотъ, грозившій Босфору,—весь этотъ рядъ удачъ съ нашей стороны и несчастій для турокъ распространяли уныніе въ Константинополѣ и ужасъ въ Диванѣ. Въ народѣ царствовало общее смятеніе; янычары волновались; все предсказывало распаденіе Оттоманской имперіи, и какъ турецкое правительство, такъ и находившійся въ Константинополѣ дипломатическій корпусъ трепетали передъ близкою вѣроятностью кровавой революціи. Въ эту минуту прибылъ въ Константинополь генералъ Мюфлингъ, съ извѣстною своею миссіею.

Диванъ, съ восторгомъ ухватясь за эту спасительную нить, обратился къ помощи дипломатическаго корпуса. Сей послѣдній, страшась за самого себя въ случаѣ народнаго бунта и ища всемѣрно

отвратить грозу, носившуюся надъ державою, столь необходимою для политическаго равновѣсія Европы, рѣшился просить графа Дибича, посредствомъ особой депутаціи, не двигать далѣе своей арміи и спасти черезъ то Константинополь и султана отъ конечной гибели. Графъ отвѣчалъ, что онъ не въ правѣ принимать посредничество какой-либо чужестранной державы; но что какъ всѣ желанія его монарха клонятся къ прекращенію войны и къ сохраненію самобытности Оттоманской имперіи, то онъ останавливаетъ дальнѣйшее движеніе и самъ предлагаетъ миръ, составляющій всю нашу цѣль.

Въ предвидѣніи, что несчастное положеніе султана вынудитъ его, наконецъ, просить мира, государь еще прежде отправилъ въ главную квартиру графовъ А. Ѳ. Орлова и Ѳ. П. Палена, для возложенія на нихъ Дибичемъ мирныхъ переговоровъ.

Мирныя условія были составлены въ кабинетѣ государя, въ той самой силѣ, въ какой онъ предначерталъ ихъ еще при открытіи кампаніи. Мѣстомъ переговоровъ назначили главную нашу квартиру въ Адріанополѣ, и, несмотря на извилистую политику Дивана и недоброжелательство посланниковъ англійскаго, французскаго и австрійскаго, дѣло пришло къ тому концу, какой назначенъ былъ энергическою волею государя.

Послѣ подписанія извѣстнаго мирнаго трактата, обезпечившаго всѣ наши интересы и упрочившаго положеніе Придунайскихъ княжествъ, графъ Орловъ отправился въ Константинополь, для возобновленія тамъ политическихъ нашихъ сношеній и окончательнаго соглашенія объ исполненіи условій трактата. Успѣхъ его миссіи превзошелъ всѣ ожиданія. Графъ чрезвычайно полюбился султану, вошелъ въ ближайшія связи съ членами Дивана и умѣлъ даже привлечь къ себѣ иностранныхъ пословъ, какъ бы еще оглушенныхъ нашими успѣхами, а еще болѣе—тою умѣренностью и тѣмъ праводушіемъ, съ какими мы воспользовались силою обстоятельствъ.

Пока совершались эти громадной важности событія за Балканами и въ Азіи, Петербургъ принималъ персидскаго принца, присланнаго шахомъ для исходатайствованія, у подножія царскаго престола, прощенія въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Прибывшій для сего, въ сопровожденіи многочисленной свиты, Хозревъ-Мирза, любимый сынъ Абасса-Мирзы и предполагаемый наслѣдникъ персидской державы, имѣлъ торжественную свою аудіенцію въ первыхъ дняхъ августа.

Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ трону. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодаго принца съ его свитою и, послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь, съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлью и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельродомъ.

По волѣ государя, приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣснѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали, вмѣстѣ съ чинами его свиты, подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема и отъ достигнутаго, черезъ его пріѣздъ, возобновленія дружественныхъ сношеній между Россіею и Персіею. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ императора Александра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца, принца-посланника.

Подъ конецъ осени послѣдовалъ обмѣнъ ратификацій съ Оттоманскою портою, и государь велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу

всѣ войска, расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, которыя, хотя главная часть гвардіи еще только,что тронулась изъ Тульчина, составили довольно значительную массу. Посреди площади воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Азіи и Европѣ, а войска стали вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго «ура!» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, знаменіемъ силы, прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ, а турецкія знамена, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, были поставлены въ Преображенскій соборъ, украшенный впослѣдствіи оградою изъ орудій большаго калибра, отнятыхъ у турокъ въ эту достопамятную войну [1]).

На зиму предсказывали много удовольствій и празднествъ; но, къ несчастію, въ первыхъ числахъ ноября, государь опасно занемогъ. Сперва, при общей увѣренности въ крѣпкомъ его сложеніи, никто, даже и во дворцѣ, не предполагалъ, что болѣзнь его серьезна; но на третій день она такъ усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Тогда и при дворѣ, и въ городѣ все перетревожилось. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, былъ всѣмъ запрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ за извѣстіями о его положеніи; разспрашивали докторовъ, камердинеровъ, опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для существованія, для блага, для славы имперіи. Императрица, съ ангельскою своею добротою, выходила по временамъ изъ комнаты своего супруга, съ заплаканными глазами, сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервиче-

---

[1]) „C'est faux; ils furent pris à Warna et donnés aux Polonais par moi comme souvenir de la mort du Roi Winceslas sous ces mêmes murs de Warna; les Polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après, contre nous; la garde les reprit; j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang". Примѣчаніе императора Николая,

ская горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня. Я видѣлся съ императрицею по нѣсколько разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, котораго она не покидала ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми, въ эту болѣзнь государя, многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе.

Наконецъ, послѣ 12-ти томительныхъ длинныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою и лучше всего доказавшихъ искреннюю и общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужденіи, о чемъ мы и были предваряемы неоднократно передъ допускомъ къ нему.

Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ его отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что̀ новаго случилось въ его болѣзнь и, удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ, однакожъ, всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой-нибудь утайки отъ него. Разговоръ, въ такомъ родѣ, продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и подобныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о бо̀льшей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіи его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

Однимъ утромъ былъ призванъ не видѣвшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость, на вопросъ государя: нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «Кажется ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань». Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ,

началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились внѣ себя отъ неосторожности Толстаго, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ—и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ, въ страшномъ жару, приказаніемъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ, съ депешами о семъ, непремѣнно въ тотъ же день.

По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ бы образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что не возможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли. Къ счастію, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожиданное государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; къ счастію также, благодаря разумнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ остался въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно.

Вскорѣ здоровье государя совсѣмъ возстановилось, и все вошло въ обычный свой порядокъ.

Въ продолженіе зимы возвратился къ намъ Гвардейскій корпусъ, и петербургская общественная жизнь приняла обычное движеніе.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.